

Санкт-Петербургский государственный университет

ЯНКИЛЕВИЧ Александр Андреевич

Выпускная квалификационная работа

Концепция утопии в политической философии Поля Рикёра

Уровень образования: бакалавриат

Направление 41.03.04 «Политология»

Основная образовательная программа СВ.5027* «Политология»

Научный руководитель:
заведующий кафедрой теории и
философии политики факультета
политологии СПбГУ, доктор
философских наук, профессор,
Гуторов Владимир Александрович

Рецензент: заместитель заведующего
кафедрой социально-гуманитарных
дисциплин СПХФУ, кандидат
философских наук, доцент
Завершинская Наталья Александровна

Санкт-Петербург
2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. КОНТЕКСТ РАЗВИТИЯ КОНЦЕПЦИИ.....	10
1.1 Биографическая обусловленность и периодизация работ Поля Рикёра.....	10
1.2 Соотношение авторской концепции утопии с традицией.....	20
ГЛАВА 2. УТОПИЯ В «ЛЕКЦИЯХ ПО ИДЕОЛОГИИ И УТОПИИ»	30
2.1 Диалектическое взаимодействие идеологии и утопии	30
2.2 Особенности и парадоксы утопии	39
ГЛАВА 3. УТОПИЯ КАК СОСТАВНОЙ ЭЛЕМЕНТ ФИЛОСОФСКОЙ СИСТЕМЫ ПОЛЯ РИКЁРА	46
3.1 Утопия и герменевтическая теория интерпретации	46
3.2 Эпистемологический смысл утопии.....	52
3.3 Политико-этический аспект концепции утопии	58
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	66
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	69

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования.

В последние годы мир переживает огромные потрясения во всех сферах жизни общества, при этом скорость изменений контекста крайне затрудняет исследования, ввиду невозможности в сжатые сроки собрать и обработать достаточный объём информации, что способствует обращению к теоретическим исследованиям. Так, ещё Ульрих Бек предлагал концепт «рефлексивной модернизации», дабы разрешить проблему всё нарастающего риска в результате человеческого развития и скорости изменений¹. Как показал опыт пандемии и последовавшей за ней международно-политической эскалации, скорости изменений действительно возросли и одно событие способно перевернуть устоявшиеся десятилетиями традиции и тенденции². Сегодняшняя ситуация представляет особый интерес для России за счёт попытки пересмотра в том числе российским правительством сложившегося международного порядка, активизации проектов «многополярности»³, фактического продолжения «правого поворота»⁴ и изменений в символическом поле⁵. Очевидно, что трансформации имеют не только геополитическое и экономическое, но ещё и идеологическое измерение. При этом, кризис идеологии предрекали ещё в конце 1980-х годов⁶, однако некоторые современные исследователи относительно недавно указывали, наоборот, на усиление идеологии и несвободы вследствие неё⁷.

В условиях политической неопределённости, плюрализма теоретических трактовок и массы новых нарративов, наиболее целесообразным видится

¹ Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну. М.: 2000. С. 231.

² Habermas J. Das Dilemma des Westens. Krieg und Empörung // Süddeutsche Zeitung. 2022. 28 April. S. 12.

³ ТАСС. Путин заявил о формировании многополярной системы мира. [Электронный ресурс] URL: <https://tass.ru/politika/15082807> (дата обращения: 10.05.2023).

⁴ Русакова О.Ф., Русаков В.М. Правый поворот в политическом дискурсе элит и кризис неолиберализма // Дискурс-ПИ, 2016. № 3-4. С. 13–22.

⁵ Звоновский В.Б., Ходыкин А.В. Отражение культурной власти геополитического нарратива в коллективных представлениях россиян о специальной военной операции // Социологические исследования – 2022. № 11. С. 38-53

⁶ Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение. М.: 2006. С. 190.

⁷ Жижек С. Год невозможного. Искусство мечтать опасно. М.: 2012. С. 172.

обращение к методологии, обладающей развитым концептуальным аппаратом в области интерпретации и эпистемологии для преодоления методологических сложностей кризисного состояния. Таким подходом является герменевтическая философия Поля Рикёра, ключевыми категориями которой являются рассказ (нарратив) и интерпретация, что перекликается с сегодняшним кризисом, когда целые страны борются за право диктовать нарратив (исторический, культурный, идеологический и прочие) и контролировать интерпретацию. Проблема интерпретации и рассказа универсальна для постмодерна и тесно связана с вопросами свободы индивида.

В этом контексте интересен феномен утопии. Утопия как литературный жанр фактически сегодня не существует, а антиутопия переживает свою коммерциализацию с вытеснением в небольшую нишу⁸. Сегодня вопрос сочинения утопий снова становится острым, но утопий в классическом виде почти не появляется⁹. Мы полагаем, что разрешение возникающих вопросов можно обнаружить в многообразной системе взглядов Поля Рикёра, именно поэтому обращаемся в данном исследовании к его политической философии.

Несмотря на развитие в современной науке направление исследований утопии (Utopian Studies), рефлексия концепции Рикёра довольно скромна¹⁰. Исследования утопии в ряде направлений склонны отстраняться от исследований идеологии¹¹, как, например, в примечательной работе Рута Левитаса «Утопия как метод» (2013), или недавно вышедшей монографии Грегори Клэйса «Утопизм для умирающей планеты» (2022). В то же время интересна работа Амборджио Сантамборджио «Утопия без идеологии», вышедшая в этом году и предлагающая пересмотреть отношения между понятиями политической культуры, социального воображения, идеологии и

⁸ Фоменко А.П. Утопия в поисках субъекта, субъект в поисках утопии // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 478. С. 58–63

⁹ Суслов М.Д. Утопия как предмет современных исследований на Западе и в России // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2013. № 7 (108). С. 34–41.

¹⁰ Taylor G. H. Why Ideology and Utopia Today? Ideology and Utopia in the Twenty–First Century. The Surplus of Meaning in Ricoeur’s Dialectical Concept. Lanham: Lexington Books, 2018. P. 218.

¹¹ Гудилина Е.Н., Порошков М.М. — К проблеме структурообразующих элементов утопического дискурса и его специфики // Философия и культура. 2022. № 3. С. 40.

утопии. Примечательна и работа Михаила Сулова «Геополитическое воображение: идеология и утопия в постсоветской России» (2020). Таким образом, тема соотношения идеологии и утопии не забыта, но, по всей видимости, требует дополнительной концептуализации¹².

Поль Рикёр же является автором ряда статей по проблеме утопии и работы «Лекции по идеологии и утопии» – курса лекций, прочитанного впервые в 1975 году в Чикаго, и вобравшего в себя почти все размышления Рикёра о соотношении идеологии и утопии. Как полагают исследователи творчества Рикёра, герменевтический подход к утопии в современных условиях до сих пор актуален, в том числе во многом за счёт значительного потенциала к междисциплинарности, что сегодня представляет большой интерес¹³¹⁴. Основным первоисточником о концепции утопии, «Лекции по идеологии и утопии»¹⁵, был впервые издан на английском языке в 1986 в США. Эта работа относится к американскому периоду творчества философа и, что характерно, изучается преимущественно американскими специалистами. Наиболее видным исследователем рикёровской концепции утопии является профессор Питтсбургского университета Джордж Тэйлор, выступивший редактором «Лекций» в 1986 году¹⁶. Тэйлор преимущественно занимается вопросами идеологии и утопии в работах Рикёра, определением пределов и актуальности данных концепций¹⁷, их связи с концептом социального воображения¹⁸, повествовательной (нарративной) идентичности и философии нарратива¹⁹²⁰.

¹² Гудилина Е.Н., Порошков М.М. Философия и культура. 2022. № 3. С. 53.

¹³ Taylor G. H. Why Ideology and Utopia Today? 2018. P. 228.

¹⁴ Iakovou V. To Think Utopia With and Beyond Paul Ricoeur. From Ricoeur to Action. London: Continuum, 2012. P. 115.

¹⁵ Ricoeur P. Lectures on Ideology and Utopia New York: Columbia University Press, 1986.

¹⁶ Taylor G.H. Editor's Introduction. Lectures on Ideology and Utopia – Ricoeur P. Columbia University Press, New York, NY: 1986.

¹⁷ Taylor G. H. Delineating Ricoeur's Concept of Utopia // Social Imaginaries. 2017. Vol. 3. №. 1. P. 41–60.

¹⁸ Taylor G. H. Ricoeur's Philosophy of Imagination // Journal of French Philosophy, 2006, V. 16.

¹⁹ Taylor G.H. Ricoeur versus Ricoeur? Between the Universal and the Contextual // T Mei and D Lewin (eds.), From Ricoeur to Action: The Socio-Political Significance of Ricoeur's Thinking, Continuum, London, 2012. P. 136-54.

²⁰ Taylor G. H. The phenomenological contributions of Ricoeur's philosophy of imagination // Social Imaginaries. 2015. №. 2. P. 13–31.

Достойны упоминания исследования Джонсона²¹, Сарджента²² и Хэмпеля²³ посвящённые изучению концепции утопии Рикёра в контексте политико-философской традиции и направлении Utopian Studies. Целый блок работ исследует утопию как часть философии Рикёра, причём в совершенно разных вариациях: утопия как часть критической теории²⁴, утопия в философии признания²⁵, в соотношении с верой и религией²⁶, утопия в философии текста²⁷ и в научном дискурсе²⁸. Рикёровская концепция утопии появляется также в работах по этике²⁹. Также западные исследователи стараются дальше развивать концепцию утопии Рикёра³⁰ и применять её как метод исследований актуальных проблем общества³¹. К концепции утопии обращался и видный французский комментатор Рикёра, Франсуа Досс, известный своей биографической работой³².

Среди российских авторов к концепции утопии Рикёра обращаются редко. Можно отметить статьи М.М. Фёдоровой³³³⁴, а также перевод фрагмента «Словаря Поля Рикёра»³⁵ И.С. Вдовиной, ведущим специалистом в России по творчеству Поля Рикёра. Также стоит обратить внимание на монографию И.С. Вдовиной, посвящённую обзору и систематизации всего творчества Поля

²¹ Johnson G. *Tragic Realism and the Utopian : An Integrated Approach to Understanding Political Ethics*. Bloomsberry Academic: 2015.

²² Sargent L. T. *Ideology and utopia // Utopian Horizons. Ideology, Politics, Literature*. Central European University Press, 2013. P. 19-40.

²³ Hempel D. *From Bloch's utopian surplus to Žižek's fantasmatic spectre: Re-evaluating the interplay of utopia and ideology // Journal of Political Ideologies*, 2019. Vol. 24. I. 3 P. 263–274.

²⁴ Kaplan D. M. *Ricoeur's critical theory*. – SUNY Press, 2003.

²⁵ Marcelo G. *Paul Ricoeur and the Utopia of Mutual Recognition // Études Ricoeuriennes/Ricoeur Studies*. 2011. №1. P. 110–133

²⁶ Kearney R. *Religion and Ideology: Paul Ricoeur's Hermeneutic Conflict // Irish Theological Quarterly*. 1985. Vol. 2. Issue 1. P. 37-52.

²⁷ Steeves J. B. *Utopia and Text: Ricoeur's Critique of Ideology // Symposium*, 2000. IV, 2. P. 221-235

²⁸ Langdrige D. *Ideology and Utopia: Social Psychology and the Social Imaginary of Paul Ricoeur // Theory & Psychology*. 2006. №5. P. 641–659.

²⁹ Moore H. L. *'Visions of the Good Life': Anthropology and the Study of Utopia // Cambridge Anthropology*. 1990. P. 13–33.

³⁰ Busby S. *A pedagogy of utopia // Research in Drama Education: The Journal of Applied Theatre and Performance*. 2015. №.3. P. 413–416.

³¹ Johansson T., Ottemo A. *Ruptures in hegemonic masculinity: the dialectic between ideology and utopia // Journal of gender studies*. 2015. №. 2. P. 192–206.

³² Dosse F. *Paul Ricoeur: Les sens d'une vie (1913–2005)*. Paris: La Découverte, 1997.

³³ Фёдорова М.М. *Парадоксы политического. Поль Рикёр // Политическое как проблема. Очерки политической философии XX века*. - М., 2009.

³⁴ Фёдорова М.М. *Политическая феноменология Поля Рикёра. Поль Рикёр: Человек – общество – цивилизация*. М.: 2015. С. 258–274.

³⁵ Вдовина И.С. *Словарь Поля Рикёра (Часть вторая) // Философские науки*. 2012. №2. С. 103–118.

Рикёра³⁶. В этой монографии исследователь также рассматривает концепцию утопии в контексте всего творчества Рикёра. Среди ведущих российских исследователей Рикёра достойны упоминания И.И. Блауберг и О.И. Мачульская, внесшие значительный вклад в переводы и анализ основных трудов Рикёра.

Несмотря на относительную популярность, на данный момент нет ни одной монографии посвящённой концепциям идеологии и утопии у Поля Рикёра. Максимум в сборниках статей «Ideology and Utopia in the Twenty-First Century» (2018) и «From Ricoeur to Action» (2013) под проблему утопии выделены отдельные разделы.

Как показывает практика, исследования крайне разрозненны и не дают комплексного представления о концепции утопии в политической философии Поля Рикёра, освещая лишь отдельные, связанные с основными сферами интересов исследователей, аспекты утопии. Таким образом, настоящее исследование представляется актуальным не только с точки зрения социального контекста, но также для теории утопии и, что нам кажется наиболее важным, истории идей и исследований наследия Рикёра.

Объектом исследования является политическая философия Поля Рикёра.

Предметом исследования является концепция утопии в политической философии Поля Рикёра.

Целью исследования является изучение внутренних особенностей и системных характеристик концепции утопии в политической философии Поля Рикёра.

Задачи исследования следуют из цели и выбранной методологии и кратко могут быть сформулированы следующим образом:

1. Определить биографический контекст возникновения концепции утопии Поля Рикёра.

³⁶ Вдовина И.С. Поль Рикёр: на «Елисейских полях» философии. М.: 2019. – 288 с.

2. Исследовать соотношение концепции утопии Поля Рикёра с теоретической традицией.
3. Изучить связь концепции утопии с концепцией идеологии в работах Поля Рикёра.
4. Выявить внутренние для концепции утопии особенности и проблемы.
5. Рассмотреть связи концепции утопии Поля Рикёра с его герменевтической теорией интерпретации.
6. Определить место концепции утопии в эпистемологии Поля Рикёра.
7. Проанализировать политико-этическую роль концепции утопии в политической философии Поля Рикёра.

Методологические основания исследования.

Исследование относится к истории мысли и подразумевает использование традиционных для данной дисциплины методов: анализ, синтез, сравнительный метод, системный подход, биографический анализ и описательный метод. Основой исследования является изучение первоисточников и комментаторской литературы. В роли определяющей дизайн исследования методологии выступила философская герменевтика самого Поля Рикёра как один из возможных подходов для изучения истории философии³⁷.

Герменевтика Поля Рикёра направлена на исследование нарративов и дискурсов, возникающих в процессе человеческого общения³⁸. Позже философская герменевтика была приспособлена Рикёром к исследованию социальной реальности. Герменевтика сочетала в себе разные по посылкам подходы: психоанализ, феноменология, философия религии³⁹. Эти подходы соответственно отвечали за «археологию», «телеологию» и «эсхатологию». Таким образом, концепция утопии может быть рассмотрена с трёх основных позиций: её оснований (в личной и интеллектуальной биографии автора), её

³⁷ Вдовина И.С. Поль Рикёр: история философии как самопонимание философии // История философии. 2012. №17.

³⁸ Ricoeur P. Interpretation Theory: Discourse and the Surplus of Meaning. Texas, 1976. P. 11.

³⁹ Рикёр П. Герменевтика, этика, политика. Поль Рикёр в Москве. М.: 2010. С. 58.

содержания (внутреннего и в контексте основного первоисточника) и её места в конечной системе философии Рикёра.

Место концепции утопии в общей системе взглядов Рикёра определяется схожим образом. Во-первых, концепция утопии связана с актуальной тогда для Рикёра герменевтической теорией интерпретации. Во-вторых, Рикёр развивает концепцию утопии как часть учения о социальном воображении, называя утопию формой социального воображения. В-третьих, концепция утопии может быть связана с поздними работами Рикёра, посвящёнными проблемам свободы человека, справедливости и возможностям развития общества. Эти аспекты будут рассмотрены в отдельных пунктах третьей главы. Первые две главы будут посвящены «археологии» (биографии Рикёра и изученной традиции) и «телеологии» (соотношение с идеологией и внутренние противоречия утопии).

В качестве **источников** выступают: работа «Лекции по идеологии и утопии», ключевые монографии и отдельные статьи Поля Рикёра, а также комментаторские исследования. Для упрощения навигации во всём корпусе текстов Рикёра использована система Digital Ricoeur⁴⁰.

Структура работы. Данная работа состоит из введения, трёх глав (всего семь параграфов), заключения и списка использованных источников.

Результаты работы апробированы на конференции, соответствующая статья опубликована в сборнике материалов⁴¹.

⁴⁰ Taylor G. H., Nascimento F. Digital Ricoeur // *Études Ricoeuriennes/Ricoeur Studies*. 2016. V. 7. №. 2. P. 124-145.

⁴¹ Янкилевич А.А. Многополярность как утопия от неолиберализма: герменевтическая интерпретация идеологии мир-системы // Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции «Мир после COVID-19: теории и практики антикризисного реагирования в новой реальности» СПб: 2022. С. 250–252.

ГЛАВА 1. КОНТЕКСТ РАЗВИТИЯ КОНЦЕПЦИИ

1.1 Биографическая обусловленность и периодизация работ Поля Рикёра

Начинать рассмотрение авторской концепции, вероятно, стоит с понимания, что за ней стоит в первую очередь личность самого автора, который вкладывал некий изначальный смысл в свои тексты и стремился реализовать некоторый мотив, побудивший его к действию. Поль Рикёр понимал данный момент несколько по-своему, ввиду смещения творца смысла с автора к читателю, но в то же время Рикёр сам призывал воспринимать любую философскую концепцию как экзистенциальный проект её автора⁴². Рикёр выступал против обезличивания философии и сведения её истории к сухому перечислению обобщённых позиций в рамках универсальных классификаций⁴³.

Безусловно, метод Рикёра не сводим к доскональному исследованию биографий, однако «конфликт интерпретаций» включает в себя, помимо прочих, «археологическое» изучение предмета. Покуда предметом нашего исследования является концепция утопии в политической философии Поля Рикёра, а в основе методологии лежит именно конфликт интерпретаций, то мы предполагаем, что уместно осветить возможные «археологические» основания концепции утопии. Данные основания, с одной стороны связаны непосредственно с личностью самого автора как человека, то есть существа склонного не только к рациональному, но и к иррациональному. С другой стороны, концепция утопии имеет прямое отношение к истории мысли, как опираясь на неё через своего автора и его уникальный опыт восприятия традиции, так и относясь к вневременному пространству философии – тому, что сам Рикёр называл

⁴² Рикёр П. История и истина. С. 65.

⁴³ Там же. С. 70.

«Елисейскими полями»⁴⁴, чему будет посвящён следующий параграф. В этом же параграфе остановимся на личности автора как человека и интеллектуала.

В этом смысле примечательно, что в 1995 году «Интеллектуальная автобиография»⁴⁵ Рикёра, которая хоть и не слишком объёмна, но позволяет рассмотреть понимание и оценку Рикёром собственного труда. При этом стоит учитывать, что после издания автобиографии Рикёр продолжал работать на протяжении 10 лет. Точно так же следует помнить, что автобиография фиксирует взгляды философа спустя почти 20 лет после исследований в области идеологии и утопии. Однако упор в автобиографии сделан не столько на различные события в жизни Рикёра, сколько на развитие его творчества с точки зрения влияния различных направлений и увлечения различными идеями и проблемами.

Помимо автобиографии, имеют место биографические исследования, одним из наиболее известных является работа Франсуа Досса «Поль Рикёр. Смыслы жизни»⁴⁶. Среди отечественных авторов к биографии Рикёра наибольший интерес проявляет И.С. Вдовина. Также в науке обнаруживаются частные обращения к биографии, например, в исследованиях раннего творчества Рикёра⁴⁷, влияния на него идеологии фашизма⁴⁸ и опыта Второй мировой войны⁴⁹. Перечисленные источники предоставляют возможность всестороннего изучения биографии, однако полный её пересказ представляется нецелесообразным – выделим основные моменты, которые, на наш взгляд, могли возыметь значение в творчестве Рикёра.

Поль Рикёр родился 27 февраля 1913 года во французском городе Валанс. Рикёр воспитывался в протестантской семье родителей отца, при этом важной частью семейной жизни стало регулярное чтение Библии. Поль Рикёр ввиду

⁴⁴ Там же. С. 73.

⁴⁵ Рикер П. Интеллектуальна автобіографія. Любов і справедливість. К. : Дух і літера, 2002.

⁴⁶ Dosse F. Paul Ricoeur: Les sens d'une vie (1913–2005). Paris: La Découverte, 1997.

⁴⁷ Clark S. Introduction: Paul Ricoeur: Memory, Identity, Ethics // Theory, Culture & Society 2010 (SAGE, Los Angeles, London, New Delhi, and Singapore), Vol. 27(5): 3–17.

⁴⁸ Kaplan D. M. Paul Ricoeur and the Nazis. Research in Phenomenology // Memorial for Paul Ricoeur. 2007. Vol. 37, No. 2. P. 219–236.

⁴⁹ Colin. D. Life Stories: Ricœur. Traces of War. Liverpool University Press, 2018. P. 119–133.

этого всю жизнь был убеждённым протестантом и даже отмечал некоторую чуждость католической традиции⁵⁰.

Познакомился с философией Рикёра в лицее. Первым его учителем стал неотомист Ролан Дальбьез, который прививал на занятиях критику идеализма и, наоборот, высоко оценивал достижения психоанализа. В 1934-м году Рикёра поступает в Сорбонну и становится участником «марселевских пятниц» – философского кружка экзистенциалиста Габриэля Марселя, встречи которого посещали как уже довольно известные авторы (например, Жак Маритен, Жан-Поль Сартр, Эммануэль Левинас, Николай Бердяев и многие другие), так и студенты. С этого момента можно отсчитывать раннее творчество Рикёра.

Довоенный период отразился в творчестве как политическими текстами (некоторые из которых были столь критичны к демократии, что породили опасения о лояльности Рикёра нацистам⁵¹), так и первыми философскими работами. Политические тексты были связаны с приверженностью Рикёра социалистическим идеалам, но не в строго марксистском значении, а с значительным влиянием христианской традиции. Философские же работы довоенного периода, по мнению И.С. Вдовиной, намечали программу дальнейших послевоенных исследований для самого Рикёра или тех, кто переживёт войну⁵².

В 1939 году Рикёра поступил на службу в армию и был взят в плен, в котором изучал работы Ясперса, Гуссерля, Хайдеггера, а также Рикёра преподавал историю философии для других узников лагеря. Здесь же он начинает работу над книгой «Волевое и неволеное», которая потом станет его докторской диссертацией.

Первые послевоенные труды были посвящены философии Ясперса и Марселя, в свет вышел и рикёровский перевод «Идеи-I» Гуссерля, а уже в 1950

⁵⁰ Вдовина И.С. Поль Рикёра: на «Елисейских полях» философии. М.: 2019. С. 9.

⁵¹ Kaplan D. M. Paul Ricoeur and the Nazis. Research in Phenomenology. 2007

⁵² Вдовина И.С. Поль Рикёра: на «Елисейских полях» философии. М.: 2019. С. 16.

году выходит работа «Философия воли. Волевое и неволевое». Наиболее же интересным из послевоенного периода, с точки зрения политической теории, представляется сборник статей «История и истина», изданный в 1955 и дополненный в переизданиях. В дополненное издание вошла в том числе статья «Политический парадокс», написанная под впечатлением от Венгерского восстания 1956 года.

Статья «Политический парадокс» стала одной из первых серьёзных работ Рикёра в области политической философии и этики. Посвящена она политической власти, а точнее – анализу соотношения рационального и иррационального в политическом и его следствие в присутствии в государстве добра и зла. Рикёр обнаруживает парадоксальное присутствие рационального и иррационального в политике, что порождает постоянное воспроизведение зла, даже при общем устремлении государства к добру как выполнению человеческого этоса бытия вместе. По мнению исследователей философии Рикёра, данный текст является одним из ключевых в его политической философии⁵³⁵⁴.

Тем не менее, в 1960 году выходит работа «Символизм зла». Изучая христианский символизм, Рикёр обращает своё внимание на символ сам по себе и как элемент языка, что подводит черту под его послевоенным периодом – после «Символизма зла» следует целый ряд работ, посвящённых герменевтике, венцом которых становится «Конфликт интерпретаций», изданный в 1969 году. В то же время, стоит отметить, что «Конфликт интерпретаций» вписан в контекст происходивших в то время изменений во французской науке и философии.

В социальных науках устанавливается новый сциентистский подход – структурализм, в полемику с которым вступил Рикёр. По его словам, структурализм восставал не против экзистенциализма в отдельности, а против всей философии субъекта в целом⁵⁵. Сам Рикёр также подвергся активной

⁵³ Федорова М.М. Парадоксы политического. Поль Рикёр. 2009.

⁵⁴ Вдовина И.С. Поль Рикёр: на «Елисейских полях» философии. М.: 2019. С. 27.

⁵⁵ Рікер П. Інтелектуальна автобіографія. К . : Дух і літера, 2002. С. 44.

критике во второй половине 1960-х годов. «Конфликт интерпретаций» уже содержал критику структурализма – во многом за стремление максимально исключить субъекта из исследований, что приводило бы (в случае исследований языка) к превращению науки в музей восковых фигур или кладбище⁵⁶. Рикёр, развивавший герменевтическую традицию и феноменологию, отстаивал центральную роль субъекта в философии.

Помимо философских полемик, на Рикёра оказали влияние студенческие волнения 1968 года. Грядущий кризис, по словам самого Рикёра, ощущался им заранее. В первую очередь ему не нравилась сложившаяся образовательная система, которая вела к обезличиванию студентов перед преподавателем, чему Рикёр противопоставлял античный идеал академии⁵⁷. В эти годы события в жизни Рикёра разворачиваются довольно драматично. В 1967 он уходит из Сорбонны и начинает преподавать в Нантере. В 1968 году он становится деканом литературного факультета и пытается мирно, путём дискуссии, урегулировать вспыхнувший конфликт. Закончилось это неудачей и даже насилием, в результате чего в 1970 году Рикёр покидает Нантер и начинает активно преподавать за рубежом, особенно в американских университетах, в которых знакомится с аналитической философией, что позволяет выделить новый этап философствования Рикёра.

Философ переносит фокус своего внимания с символа на метафору, развивая герменевтику в работе «Живая метафора» (1975). В это же время Рикёр пишет первые эссе, которые позже станут частью работы «Я-сам как другой» (1990). К этому же периоду относятся и первые обращения Рикёра к теме социального воображения. Лекции по идеологии и утопии впервые были прочтены в 1975 году в университете Чикаго⁵⁸. В 1975–1977 гг. были изданы

⁵⁶ Рикёр П. История и истина. С. 69.

⁵⁷ Рикёр П. Интелектуальна автобіографія. К., 2002. С. 47.

⁵⁸ Taylor G.H. Editor's Introduction. Lectures on Ideology and Utopia. 1986.

статьи с исследованием идеологии и утопии как культурного воображения⁵⁹⁶⁰. Однако, по всей видимости, данный курс лекций и тема идеологии не являлись для Рикёра предметом большого интереса, так как в его автобиографии нет слова «утопия» и всего однажды встречается слово «идеология» в качестве предмета изучения.

Рикёр поясняет свою сдержанность относительно исследований в области моральной и политической философии нехваткой «эксплицитной поддержки медитации о человеческой деятельности»⁶¹, то есть необходимостью дальнейших теоретических разработок, которые соединили бы исходную рикёровскую герменевтику символа (лозунг которой «символ побуждает мыслить») и вопросы человеческой природы. Это становится одной из основных причин, как поясняет Рикёр, лишь конкретных эпизодических размышлений на узкие темы свободы, университета, насилия или идеологии – даже после событий 1968 года.

Развитие герменевтики, развернувшееся в «Живой метафоре», достигло апогея в трёхтомном труде «Время и рассказ» (1983–1985) и уже в 1986 году на Гиффордских лекциях в университете Эдинбурга Рикёр представляет большую часть своей будущей работы «Я-сам как другой». Как отмечает И.С. Вдовина, «Я-сам как другой» непосредственно примыкает к «Времени и рассказу» с концептуальной точки зрения⁶². Данные работы позволили перейти от герменевтики символа к комплексной философии нарратива и нарративной (повествовательной) идентичности человека. Примечательно развитие философии свободы субъекта через сформулированную в «Я-сам как другой» концепцию «человека могущего» (*l'homme capable*). Конечно, некоторые наработки имели место и в 1950-е, и в 1960-е, и, само собой, в 1970-е годы, но окончательно переход от герменевтики к человеку и социальному состоялся

⁵⁹ Ricoeur P. Ideology and Utopia as Cultural Imagination // Philosophical Exchange, 1976, vol. 2, no. 2. P. 17–28.

⁶⁰ Ricoeur P. Ideology, Utopia, and Faith // Center for Hermeneutical Studies, 1976, vol. 17, P. 21–28

⁶¹ Рикер П. Интелектуальна автобіографія. К., 2002. С. 50.

⁶² Вдовина И.С. Поль Рикёр: на «Елисейских полях» философии. М.: 2019. С. 26.

лишь с выходом в свет работы «Я-сам как другой». Таким образом, к началу 1990-х Рикёр подходит теоретически подготовленным к крупным исследованиям в области социальной философии.

Помимо прочего, обращение к теме человека в исследованиях обусловлено и семейной трагедией Рикёра – самоубийством сына Оливье в 1986 году, через несколько дней после возвращения Поля Рикёра с Гиффордовских лекций. После этого потрясения Рикёр едет в Чикаго и там получает известие о смерти своего друга Мирчи Элиаде. После этого Рикёр начинает в своих теологических эссе возвращаться к вопросу зла. В том же 1986 году вышел сборник статей и эссе «От текста к действию», после чего Рикёр сконцентрировался на доработке своих шотландских лекций до монографии «Я-сам как другой», которая выходит только в 1990 году.

В следующие 15 лет Рикёр активно публикует монографии этической и политико-философской направленности, среди которых наиболее известны: «Справедливое I» (1995), «Справедливое II» (2001), «Память, история, забвение» (2000), «Путь признания» (2004). Безусловно, эпистемологическая ценность отдельных этих работ велика, но их объединяет общая нацеленность на феномены человеческого общежития. Для политической философии, на наш взгляд, данные работы представляют высокую ценность относительно остального рикёровского корпуса и потому их стоит учитывать при анализе роли концепции утопии. Так, например, «Память, история, забвение» – фундаментальная монография о повествовательной деятельности и социальном воображении. Идеология и утопия же рассматривались Рикёром именно как формы социального (культурного) воображения. Примечательно, что Рикёр в США читал ещё и курс лекций по воображению в 1974 году, издание которого готовится в 2024 году⁶³.

⁶³ Планами публикации в личной переписке поделился один из редакторов издания, профессор Джордж Тэйлор (G.H. Taylor), ранее выступивший редактором «Лекций по идеологии и утопии».

Опираясь на рассмотренные моменты биографии Поля Рикёра можно предложить следующую периодизацию его творчества:

1. Ранние работы (1934–1939) – преимущественно статьи и выступления на конференциях, а также некоторая политическая публицистика.
2. Послевоенные работы (1946–1959) – работы по истории философии (Марсель, Ясперс, Гуссерль), феноменологии свободы, статьи по политике и этике, а также обращение в статьях к христианству.
3. Ранняя герменевтика (символа) (1960–1969) – первые исследования в области теории интерпретации, полемика со структурализмом.
4. Развитие герменевтической феноменологии⁶⁴ (1970–1990) – преподавание за рубежом, знакомство с аналитической философией, изучение метафоры, исследования в области философии рассказа и формирование концепции «человека могущего», первые обращения к теме воображения.
5. Обращение к социальной философии и поздние работы (1991–2005) – рассуждения на темы справедливости, памяти, признания и жизни вместе как продолжение исследований в области философской антропологии (повествовательная идентичность и *l'homme carnable*), прямое обращение к политике и этике в монографиях.

Само собой, данная периодизация довольно условна, ведь в её основании не только работы Рикёра, но и события его биографии. Тем не менее, представленные тексты и обстоятельства, на наш взгляд, необходимы для позиционирования концепции утопии в биографии автора.

Важно отметить, что перечисленные в тексте выше работы называются самим философом в автобиографии (за исключением работ раннего и последнего периода), что позволяет говорить об их относительной значимости в корпусе

⁶⁴ Термин предложен в работе Venema I. Identifying Selfhood: imagination, narrative, and hermeneutics in the thought of Paul Ricoeur. NY: 2000. P. xx.

текстов Рикёра. При этом «Лекции по идеологии и утопии» упоминаются лишь раз в качестве «размышления на конкретную тему», при этом название работы не приводится, ограничиваясь лишь обозначением предмета исследования – «идеология»⁶⁵ (напомним, термин «утопия» отсутствует в автобиографии). Также стоит отметить, что после 1977 года Рикёр практически не возвращался к теме идеологии и утопии⁶⁶.

Тем не менее, концепция утопии (в связке с концепцией идеологии) относится к периоду развития герменевтической феноменологии. Хронологически лекции по идеологии и утопии и статьи по проблематике относятся к 1975–1977 годам, то есть времени публикации «Живой метафоры», что могло отразиться на общем стремлении Рикёра соединить концепции идеологии и утопии как элементы размышления о воображении с актуальной на тот момент для него темой языка. При этом хронологическое положение «Лекций» в корпусе работ Рикёра указывает на основные мотивы, которые могли встречаться в исследовании (феноменология, свобода, политический парадокс, герменевтика символа, теория интерпретации, критика структурализма и др.), а также на перспективу применения наработок по концепции утопии в дальнейших трудах: исследования нарратива («Время и рассказ»), эпистемологические работы («Память, история, забвение», «Путь признания») и этико-политических публикациях («Справедливое»). Тематическое понимание периодизации работ упростит соотношение концепции утопии с остальным философским наследием Рикёра в главе 3.

Также, как было указано выше, обращению к теме идеологии и утопии предшествовали драматичные моменты биографии: жёсткая критика, полемика со структурализмом, конфликт со старой образовательной системой и бунтующими студентами. Таким образом, можно предположить, что одним из мотивов к подготовке лекций по идеологии и утопии послужил социально-

⁶⁵ Рикер П. Интелектуальна автобіографія. К.: 2002. С. 51.

⁶⁶ По данным системы Digital Ricoeur URL: <https://www.digitalricoeurportal.org/digital-ricoeur/Search.php> (Дата обращения: 1.04.2023)

политический контекст и неприятные для самого Рикёра обстоятельства жизни с ним связанные. В то же время вряд ли причиной обращения к теме идеологии послужила необходимость в нахождении работы – на тот момент Рикёр уже имел успешный опыт преподавания в Бельгии и, по всей видимости, мог выбирать темы ему интересные. Также обращение к идеологии и утопии могло быть связано с реактуализацией работ послевоенного периода на фоне кризиса 1968 года.

Так или иначе, обращение к теме идеологии не следовало очевидным образом из тематики предыдущих работ Рикёра. Также нельзя утверждать о наличии прямых каузальных связей между политической конъюнктурой, биографией и обращением к идеологии и утопии. Однако, предположение о наличии подобной связи кажется обоснованным в той мере, в которой мы можем констатировать наличие потенциальных оснований для обращения к теме идеологии. При этом отсутствие повторных обращений к теме может указывать на разовый и ситуативный исследовательский интерес.

Подводя итог параграфа, концепция утопии относится к периоду развития герменевтической феноменологии в творчестве Рикёра, связанным с преподаванием в США и знакомством с аналитической философией. Этому периоду предшествовали социально-политические потрясения, коснувшиеся как Франции в целом, так и жизни Рикёра в частности, что предположительно сыграло свою роль в выборе нового предмета исследования. Работы Рикёра по идеологии и утопии выбиваются из тематического ряда предшествующих произведений философа, что также представляет особый интерес при соотношении с остальным корпусом трудов.

1.2 Соотношение авторской концепции утопии с традицией

Анализ концепции утопии Поля Рикёра был бы неполным без позиционирования её в истории идей. Однако при попытке осуществить данную операцию мы неизменно сталкиваемся всё с тем же конфликтом интерпретаций между «археологией» идеи и её «телеологией». Иначе говоря, соотношение авторской концепции с традицией может подразумевать как изучение её оснований, так и вклада в политическую теорию. В данном параграфе мы постараемся последовательно рассмотреть оба измерения.

В начале изучения теоретических оснований концепции утопии Поля Рикёра следует оговориться, что подробное описание всех мыслительных традиций и философских штудий, повлиявших на интеллектуальное становление Рикёра, не представляется сколь-нибудь необходимым и разумным в пределах данной работы, поэтому мы ограничимся теми авторами и идеями, которые упомянуты самим Рикёром в «Лекциях по идеологии и утопии», так как последние включают все источники, на которые ссылается Рикёр в статьях того же периода. Для этого стоит рассмотреть структуру самих «Лекций».

«Лекции по идеологии и утопии» издания 1986 года (“Lectures on Ideology and Utopia”) написаны на английском языке, который был оригинальным как для самого курса лекций, читаемого в Чикаго с 1975 года, так и для записей и заметок Рикёра, используемых при подготовке курса⁶⁷. Структурно текст состоит из 18 лекций, а само издание снабжено предисловием редактора (бывшего ученика Рикёра). Данные 18 лекций имеют тематическое деление на 3 части: 1 вводная лекция, 14 лекций части 1 «Идеология» и 3 лекции части 2 «Утопия». Текст лекций изначально не планировался к публикации, при его подготовке были использованы записи лекций и авторские заметки, которые были интегрированы в тексты записей. При этом изначально лекций было 19 (ещё одна в разделе «Идеология»), но при перекомпоновке их число сократилось. Каждая отдельная лекция, помимо вводной, имеет в своём заглавии фамилию автора, чьи идеи и

⁶⁷ Taylor G.H. Editor’s Introduction. Lectures on Ideology and Utopia. NY: 1986. P. xxxii.

труды рассматриваются в лекции. Часть «Идеология» содержит лекции по Карлу Марксу (5 лекций), Луи Альтюссеру (3 лекции), Карлу Маннгейму (1 лекция), Макс Веберу (2 лекции), Юргену Хабермасу (2 лекции – изначально было 3) и Клиффорду Гирцу (1 лекция). Часть «Утопия» содержит по одной лекции по Карлу Маннгейму, Анри Сен-Симону и Шарлю Фурье.

Подобное тематическое распределение текста, с одной стороны, наглядно демонстрирует каких мыслителей Рикёр посчитал достойными упоминания и отдельного рассмотрения, с другой же стороны, чётко виден явный перекосяк в сторону проблематики идеологии. Такое распределение коррелирует с отсутствием упоминания утопии в автобиографии Рикёра, хотя в тексте вводной лекции Рикёр оправдывал такое неравное распределение малым количеством работ, рассматривающих идеологию и утопию в общей теоретической рамке⁶⁸.

В той же вводной лекции Рикёр объясняет свой выбор авторов для анализа через указание на активное изучение идеологии в рамках марксизма от непосредственно Маркса до современных на тот момент мыслителей. Утопия же довольствуется малым, выступая некоторым, хоть и важным, но всё-таки, дополнением к концепции идеологии. Ввиду того, что идеология не является предметом нашего исследования, а её взаимосвязь с концепцией утопии будет рассмотрена более подробно в следующей главе, то имеет смысл лишь в общих чертах осветить взаимодействие мысли Рикёра с выбранным им материалом, очерчивая тем самым дальнейший ход работы.

Вводную лекцию Рикёр начинает с обозначения изначальной цели – объединение идеологии и утопии в одной концептуальной рамке как формы социального (культурного) воображения⁶⁹. При этом и идеология, и утопия в дискурсе имеют негативные коннотации: идеология как ответственная за искажение восприятия, а утопия как нечто нереализуемое и потому не нужное. Ссылаясь на то, что Маннгейм едва ли не единственный мыслитель,

⁶⁸ Lectures on Ideology and Utopia. 1986. P. 2.

⁶⁹ Ibid. P. 1.

попытавшийся объединить идеологию и утопию, а также на подавляющее количество исследований идеологии в рамках марксизма и пост-марксизма, Рикёр начинает свой курс лекций с Маркса.

Безусловно, Рикёр не начинает сразу с анализа концепции идеологии у Маркса, постепенно подводя к этому слушателей и читателей, но в итоге обозначает несколько моментов, вызывающих у него наибольший интерес. В первую очередь речь идёт о противопоставлении идеологии реальности из которого происходит первый (поверхностный) уровень концептуального понимания идеологии как искажения. Углубляясь в философию Маркса, Рикёр обнаруживает противопоставление идеологии не только реальности, но и праксису, и тому, что Маркс называет «языком жизни»⁷⁰.

Также внимание Рикёра привлекает само понимание идеологии как происходящей от базиса части надстройки – Рикёр выражает крайнее несогласие с Марксом относительно каузальности связи идеологии и экономического базиса. Более того, Рикёр отмечает чрезмерную простоту, с которой марксисты принимают тезис о том, что идеология выражает интересы правящего класса. Рикёр задаётся вопросом не просто как связаны, а как переходят друг в друга последовательно господствующее положение класса (допустим, что это объективная политико-экономическая «реальность»), интересы господствующего класса (как и почему они формируются? Как реальность переходит к некой идее? – вопрос праксиса) и конечная распространяемая идеология (собственно некая совокупность идей)⁷¹. Данные механизмы практически не освещаются Марксом, но что более странно, марксисты тоже не описывают как именно происходит репрезентация как процесс выражения объективных классовых отношений в форме идеологии⁷². Данные вопросы станут для Рикёра ключевыми в его собственных рассуждениях⁷³, но цикл

⁷⁰ Ibid. P. 100.

⁷¹ Ibid. P. 62

⁷² Ricoeur P. Ideology and Utopia as Cultural Imagination // Philosophical Exchange, 1976, vol. 2, no. 2. P. 23.

⁷³ Ibid. P. 25.

лекций имеет несколько иную логику построения, ввиду собственно образовательного характера.

Откладывая в сторону возникшие вопросы, Рикёр продолжает исследование марксистской интерпретации идеологии как искажения – на этот раз в работах Луи Альтюссера. Рикёр замечает у Альтюссера радикальные последствия изменений, произошедших по сравнению с ортодоксальным марксизмом⁷⁴. Во-первых, Альтюссер возводит марксизм до уровня науки, а науке же противопоставляется идеология как «донаучное». Во-вторых, наука у Альтюссера определяет реальность как полностью основанную (в базисе) на действиях анонимных сил, в то время как любая попытка утверждения роли человека относится к идеологии (в этом смысле характерно, что Альтюссер взгляды Рикёра называл «дважды идеологическими»⁷⁵). В-третьих, между анонимными силами (базисом) и надстройкой есть чёткие причинно-следственные связи. На эти тезисы, которые являются отчасти следствием возведения в абсолют отдельных принципов марксизма, Рикёр отвечает Альтюссеру на протяжении следующих лекций, начиная с лекции по Маннгейму.

Лекция по Маннгейму представляет особый интерес в рамках нашего исследования как первая (за исключением вводной), где утопия появляется в качестве развёрнутой концепции несводимой к идеологии, как это фактически происходит у Маркса. Тем не менее, в первой половине лекции Рикёр обращается к пониманию Карлом Маннгеймом идеологии. Для Рикёра в Маннгейме интересны не только удачные идеи (например, объединение в одну концептуальную рамку идеологии и утопии), но и теоретические провалы, которыми Рикёр в положительном смысле восторгается⁷⁶. Речь идёт о проблеме соотношения идеологии и науки, а точнее, о попытке Маннгейма вывести критику идеологии за пределы идеологии, что подразумевает также и отказ от нормативных суждений и вневременных обобщений. При этом Маннгейм

⁷⁴ Taylor G.H. Editor's Introduction. *Lectures on Ideology and Utopia*. NY: 1986. P. xiv.

⁷⁵ Вдовина И.С. Поль Рикёр: на «Елисейских полях» философии. М.: 2019. С. 22.

⁷⁶ *Lectures on Ideology and Utopia*. 1986. P. 166.

пытается сохранить исследовательский потенциал собственной «социологии знания», не впадая в сухой дескриптивизм. Обратиться к утопии для решения Маннгейм также не может, понимая идеологию и утопию как формы «ложного сознания», продолжая тем самым традицию «искажения». В конечном итоге, Маннгейм решает проблему стороннего наблюдения в стиле, который Рикёр называет «реконструкцией гегелевского духа в эмпирической системе»⁷⁷. Устремления Маннгейма привели его к особой форме релятивизма – «реляционизму», который подразумевал переосмысление теории истины⁷⁸ (отказ от вневременных обобщений) и в целом стремился к объективности едва ли не так же, как гегелевский абсолютный дух, над чем Рикёр и иронизировал. В конце концов, требования к исследователю для соблюдения объективности (как не-идеологичности) оказываются столь высоки, что фактически идеальны. Возникает то, что Клиффорд Гирц (Рикёр восторженно отзывался о работе Гирца и, по всей видимости, имплицитно цитировал его в лекциях) обозначал как «парадокс Маннгейма»⁷⁹, то есть невозможность определения где заканчивается идеология и начинается наука. Данный парадокс становится для Рикёра ключевым, и на протяжении остальных лекций он к нему регулярно обращается.

Сам же Рикёр предлагает смириться с замкнутым кругом идеологии и рефлексии, ввиду невозможности абсолютного стороннего наблюдателя, полагая, что «единственный способ выбраться из замкнутого круга, в который нас поглощают идеологии, – это принять утопию, декларировать её и судить об идеологии на ее основе»⁸⁰. В дальнейшем данная лекция полностью посвящена маннгеймовской концепции утопии. Рикёр анализирует основные признаки утопии у Маннгейма. Удачным Рикёру кажется выстраивание идеологии и утопии на одном уровне, но вот сами критерии утопии вызывают вопросы. В первую очередь, Рикёр скептически относится к «концепции несоответствия

⁷⁷ Lectures on Ideology and Utopia. 1986. P. 167.

⁷⁸ Ibid. P. 168.

⁷⁹ Гирц К. Интерпретация культур М.: 2004. С. 225.

⁸⁰ Lectures on Ideology and Utopia. 1986. P. 172

[реальности]», которая объединяет идеологию и утопию⁸¹. Рикёру нравится критерий утопии как того, что «взрывает социальный порядок», но в то же время критике подвергается идея «реализуемости» утопии как её определяющего признака (в конце концов, Рикёр замечает, что идеология, которая не стремится к реализации, в трактовке Маннгейма, уже фактически реализована)⁸². Имеет место та же проблема, что и с определением идеологии – попытка формального разделения идеологии и утопии приводит Маннгейма к неудаче и допущению, что конечное определение предмета как идеологии или как утопии зависит от некоторого субъекта (представителя социальной группы), занимающего ту или иную позицию в обществе. Так социолог может считать утопию реализуемой, в то время как лица принимающие решения будут полностью отрицать подобную позицию⁸³. На базе вышеприведённой критики Рикёр развивает собственную концепцию утопии, возвращаясь к Маннгейму в начале «утопического» блока лекций.

Раскритиковав понимание идеологии как искажения и продемонстрировав невозможность создания неискажённой формы рефлексии, Рикёр возвращается к заинтересовавшему его вопросу соотношения марксистского базиса и идеологии. В одиннадцатой и двенадцатой (с учётом вводной) лекциях Рикёр комментирует Вебера, в частности, типы лидерства и вопрос легитимации. По мнению Рикёра, связь между идеологией и базисом (и правящим классом) является не каузальной, а мотивационной. Иначе говоря, идеология выполняет функцию легитимации установившейся власти, заполняя разрыв между претензиями на власть правящего класса и верой остального населения в легитимность данного распределения в обществе. Имеет место некоторая аналогия с прибавочной стоимостью⁸⁴, которая, однако, связана не с трудом, а с властью, относится к экономике и обусловлена идеологией⁸⁵. Функция

⁸¹ Ibid. P. 173.

⁸² Ibid. P. 177–179.

⁸³ Ibid. P. 178.

⁸⁴ Ibid. P. 201.

⁸⁵ Treanor B. Turn around and step forward: Environmentalism, activism and the social imaginary. London: 2012. P. 159.

легитимации становится второй после искажения, располагаясь как бы на слой глубже – Рикёр следуя логике генетической феноменологии ведёт исследование от самого очевидного до истока.

Далее Рикёр обращается к Хабермасу, находя его взгляды во многом более совершенными и созвучными собственным мыслям француза. Помимо прочего, Хабермас критиковал Маркса за недостаточное разделение производительных сил и производственных отношений, из-за чего производственные отношения часто оказывались забыты при анализе. В то же время, производственные отношения во многом связаны непосредственно с праксисом, а также опосредованы символически. Через полемику с Хабермасом Рикёр критикует противопоставление идеологии и праксиса, указывая на наличие идеологического уровня в самом праксисе, связанном с символическим уровнем деятельности людей. Также с Хабермасом продолжилась полемика относительно статуса исследователя и герменевтического метода для изучения идеологии – Рикёр продолжил отстаивать роль утопии как наиболее подходящей формы критики идеологии.

В конечном итоге Рикёр подходит к лекции по Клиффорду Гирцу и его работе «Интерпретация культуры». Рикёр обнаруживает, что у идеологии есть следующий уровень, который обусловлен символическим опосредованием любой социальной деятельности. Идеология же выступает как некая устойчивая система медиации символов и значений в обществе⁸⁶, тем самым приобретая третью и наиболее позитивную свою функцию – интеграцию общества посредством символических практик, общей риторики и идентичности. Тем самым, идеология реализует себя на уровне символов и становится «риторической основой коммуникации». На этом заканчивается часть лекций по идеологии.

Часть «Утопия» оказалась крайне скромной. Всего три лекции, из которых две – анализ утопии Сен-Симона и Фурье. В то же время практически не

⁸⁶ Lectures on Ideology and Utopia. P. 258.

упомянуты классики исследований утопии, из которых позже выросло направление Utopian Studies. С другой стороны, данная часть крайне богата концептуально авторскими мыслями, однако начинается она со второй лекции по Маннгейму, где Рикёр сначала кратко повторяет сказанное ранее, а потом переходит к критике маннгеймовской классификации утопий.

Рикёр уверенно демонстрирует, что для анализа утопий у Маннгейма сохраняются вышеописанные проблемы, в том числе свойственные идеологии⁸⁷. Основная проблема, конечно, связана с определением утопии по критерию реализуемости. Также классовая природа утопии как формы мышления угнетённых порождает проблему оценки концепции как утопии. Всё это, по всей видимости, влияет на выбор Маннгейма для анализа тех, а не иных утопий в своей классификации. У Маннгейма появляется и концепция антагонизма утопий, что интересно сказывается на консерватизме – несмотря на не-прогрессистский характер утопии (больше похожа на «контрутопию»), она является утопией, так как ей противостоят остальные три типа утопии, из борьбы с которыми и свойства антагонизма консервативная утопия получает полноценный утопический статус⁸⁸. Особенно сложным становится положение социалистическо-коммунистической утопии, ввиду склонности её редуцировать остальные утопии до идеологии⁸⁹. При этом у Маннгейма эта форма утопии не просто антагонистична остальным, но и синтезирует в себе элементы остальных⁹⁰. Таким образом, классификация также не оказывается непротиворечивой.

Отдельно Рикёр негодует из-за упущения немарксистской социалистической утопии, посвящая оставшиеся лекции анализу утопии Сен-Симона и Фурье на основе исследований Раймонда Руэ «Утопия и утопии» (1950), Анри Дероша «Боги снов» (*“Les Dieux Rêves”*, 1972) и Доминики Десанти

⁸⁷ Sargent L. T. Ideology and utopia. Utopian Horizons. Central European University Press, 2013. P. 29.

⁸⁸ Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: 1994. С. 195.

⁸⁹ Lectures on Ideology and Utopia. 1986. P. 279.

⁹⁰ Ibid. P. 279.

«Социалисты утопии» (*“Les Socialistes de l’Utopie”*, 1971). В процессе анализа Рикёр также рассматривает комментарии Фридриха Энгельса к утопическим проектам Сен-Симона и Фурье. Также Рикёр вспоминает некоторые пассажи из работ Нееля Эйриха (*“Science in Utopia: A Mighty Design”*), Льюиса Мамфорда («История утопий») и Эрнста Блоха («Томас Мюнцер как теолог революции»). Комментаторы отмечают, что столь ограниченное обращение к работам Эрнста Блоха (всего одно упоминание в тексте довольно удивительно, ведь его работы по идеологии и утопии выходили раньше Маннгейма и, по всей видимости, вдохновляли последнего. В то же время, Блох публиковал важнейшие труды по утопии и после Маннгейма, и, даже несмотря на некоторые концептуальные пересечения с Рикёром (вопрос необходимости утопии для идеологии), всё равно был обделён вниманием⁹¹. Отдельно отметим замечание Вики Якову о том, что Рикёр в некоторой степени игнорирует история понятия утопии в XIX веке⁹², что не придаёт анализу дословной «фундаментальности».

Так заканчивается «археологическая» часть анализа. Переходя же к «телеологии», стоит сказать, что концепция утопии Рикёра не стала крайне популярной в развивающемся направлении *Utopian Studies*. Осмелимся предположить, что основанием тому стал отказ от глубокой проработки текста «Лекций» и дальнейших исследований самим Рикёром. Из современников отмечают преимущественно связь с наработками Корнелиуса Касториадиса – Рикёр взял у него теорию социального воображения⁹³, однако, как отмечают комментаторы, концепция утопии Рикёра получилась менее радикальной^{94,95}.

И всё-таки его концепция не была предана забвению и регулярно вспоминается коллегами. Так, к ней обращался в своих исследованиях классик

⁹¹ Hempel D. From Bloch’s utopian surplus to Žižek’s fantasmatic spectre: Re-evaluating the interplay of utopia and ideology // *Journal of Political Ideologies*, 2019. Vol. 24. I. 3 P. 272.

⁹² Iakovou V. To Think Utopia With and Beyond Paul Ricoeur. From Ricoeur to Action. London:2012. P. 127.

⁹³ Ricoeur P. *Philosophy, Ethics and Politics*. Cambridge: Polity Press, 2020. P. 43.

⁹⁴ Michel J. Ricoeur and the post-structuralists : Bourdieu, Derrida, Deleuze, Foucault, Castoriadis. Rowman & Littlefield International: 2015. P. 138.

⁹⁵ Dosse F. *The Social Imaginary as Engine of History in Ricoeur and Castoriadis*. Ricoeur and Castoriadis in Discussion. Rowman & Littlefield International: 2017.

исследований утопии Лиман Сарджент⁹⁶. Отдельного упоминания достоин и комментарий Рута Левитаса – современного классика, который критиковал Рикёра за отказ от классовой интерпретации утопии⁹⁷.

В современных исследованиях на работы Рикёра преимущественно ссылаются не столько в контексте герменевтического разрешения «парадокса Маннгейма», сколько в связи с теорией метафоры⁹⁸, социального воображения⁹⁹ или теории нарратива¹⁰⁰. При этом, как отмечает М. Мойерт, концепция утопии Поля Рикёра могла бы усилить некоторые современные теории¹⁰¹. В то же время, как отмечает Сарджент, Рикёр, возможно сам того не подозревая, приблизился к концепции «реалистичной утопии» Джона Ролза¹⁰². Также стоит заметить ироничное сходство между политико-эпистемологическим решением парадокса Маннгейма Рикёром и социологическим призывом Ральфа Дарендорфа отказаться от структурного функционализма – оба указывают на провал сциентистской объективности и призывают к умеренной, но осознанной, ангажированности и применению концепции конфликта, при этом Рикёр видит выход в утопии, а Дарендорф – в стремлении её покинуть, что обусловлено диаметрально противоположными трактовками понятия утопия¹⁰³.

Таким образом, связь Рикёра с традицией исследования утопии, на удивление, ограничена лишь несколькими именами, которые не подлежали критическому рассмотрению в той же мере, как теоретики идеологии. При этом популярность Рикёра среди исследователей утопии также не велика. В то же время, Рикёр произвёл глубокий концептуальный анализ концепций идеологии и её критики, особенно в марксистской традиции, что создало базу для развития собственных теоретических выводов.

⁹⁶ Sargent L. T. *Ideology and utopia*. Utopian Horizons. Central European University Press, 2013. P. 19-40.

⁹⁷ Levitas R. *The Concept of Utopia*. Philip Allan: 1990. P. 190.

⁹⁸ Sargisson L. *Contemporary Feminist Utopianism*. London: 1996. P. 217.

⁹⁹ Suvin D. *Defined by a hollow : essays on utopia, science fiction and political epistemology*. Peter Lang: 2010. P. 120.

¹⁰⁰ Jameson F. *Archaeologies of the Future: The Desire Called Utopia and Other Science Fictions*. New York: Verso, 2005. P. 87.

¹⁰¹ Moyaert M. *Between Ideology and Utopia Honneth and Ricœur on Symbolic Violence, Marginalization and Recognition* // *Études Ricœuriennes / Ricœur Studies*, 2011. Vol 2, No 1. P. 106.

¹⁰² Sargent L. T. *Ideology and utopia*. P. 33.

¹⁰³ Дарендорф Р. Тропы из утопии. М.: 2002. С. 331–358.

ГЛАВА 2. УТОПИЯ В «ЛЕКЦИЯХ ПО ИДЕОЛОГИИ И УТОПИИ»

2.1 Диалектическое взаимодействие идеологии и утопии

Как было упомянуто ранее, целью «Лекций по идеологии и утопии» Рикёра было «поместить эти два феномена [идеологии и утопии – прим.], обычно рассматриваемых отдельно, в одну концептуальную рамку»¹⁰⁴. Таким образом, рассмотрение концепции утопии в политической философии Поля Рикёра невозможно без изучения концепции идеологии. На это прямо указывает предыдущий параграф нашей работы, продемонстрировавший, что наибольшее внимание Рикёр уделял именно идеологии, в то время как утопия представляла из себя скорее концептуальное дополнение, чему свидетельствует избранная структура и характер лекций по утопии – авторская критика Маннгейма и авторские же рассуждения о представителях утопического жанра.

Ещё в вводной лекции философ высказывает своё основное предположение о том, что социальное воображение конститутивно по отношению к социальной реальности. Для доказательства данного тезиса Рикёр предпринимает регрессивный анализ последовательно идеологии и утопии, сравнивая свой метод с гуссерлевской генетической феноменологией¹⁰⁵. Рикёр движется от наиболее известного и уничижительного понимания идеологии как искажения реальности, пытаясь понять основания данного восприятия.

Помимо прочего, в ходе своего исследования, Рикёр обнаруживает проблему соотношения власти господствующего класса и идеологии и находит её разрешение через теорию легитимации Макса Вебера. Таким образом, идеология приобретает вторую функцию, находящуюся на более глубоком уровне¹⁰⁶. Эта функция связана с восполнением разрыва между общественным сознанием и властью, который в наибольшей степени раскрывается в результате

¹⁰⁴ Lectures on Ideology and Utopia. 1986. P. 1.

¹⁰⁵ Ibid. P. 311.

¹⁰⁶ Ricoeur P. Philosophical Exchange, 1976, vol. 2, no. 2. P.23.

революционных политических изменений. И вот уже идеология не просто искажает реальность, но искажает её зачем-то, для чего-то, с какой-то целью. Именно поэтому Рикёр сохраняет обе роли: и искажение, и легитимацию, которые теперь просто разнесены по разным уровням. Это же обращение к *зачем* отражает попытку Рикёра заменить причинно-следственные связи надстройки и базиса, то есть идеологии и реальности, на связь мотивации – одно мотивирует другое.

Переход от жёсткой каузальной связи к связи мотивации частично снимает проблему отделения идеологии от базиса в марксизме, ввиду того, что базисом являются не только производительные силы, но и производственные отношения, в коих задействованы люди¹⁰⁷. По всей видимости, связь мотивации также направлена на утверждение рикёровского понимания истории как результат поведения отдельных живших личностей в конкретных условиях. Данный взгляд напрямую противостоит марксистскому детерминизму и объективизации исторического процесса.

Но Рикёр идёт дальше и доходит до базовых единиц коммуникации, в числе которых – символ. Через комментарии к работе Гирца, Рикёр выделяет третью функцию идеологии – интеграцию¹⁰⁸. Данная интеграция подразумевает вмешательство идеологии в символический обмен, то есть на одном из базовых уровней коммуникации, что делает идеологию едва ли не всеобъемлющей. Именно ввиду всеобъемлемости идеологии, возникает проблема её критики. При этом парадокс Маннгейма, по мнению Рикёра, невозможно преодолеть путём отказа от идеологии в суждениях, что становится окончательно очевидно при обращении к символической роли идеологии. В качестве решения Рикёр предлагает использовать утопию как альтернативу и способ критики идеологии. Данное предположение раскрывается ещё по ходу критики Маннгейма и в этом, по всей видимости, заключается основная роль утопии для Рикёра¹⁰⁹.

¹⁰⁷ Taylor G.H. Editor's Introduction. Lectures on Ideology and Utopia. NY: 1986. P. xv.

¹⁰⁸ Lectures on Ideology and Utopia. 1986. P. 258.

¹⁰⁹ Sargent L. T. Ideology and utopia. Central European University Press, 2013. P. 32.

Говоря о конститутивной роли социального воображения для социальной реальности, Рикёр ещё в вводной лекции делает следующее предположение: «Социальное воображение, или культурное воображение, одинаково действуют и конструктивно, и деструктивно, как подтверждение или оспаривание настоящей ситуации»¹¹⁰. Также Рикёр предполагает, что идеология и утопия имеют как положительные, так и отрицательные, и даже патологические стороны, которые соотносятся с аналогичными сторонами противоположного феномена, и дополняют их.

Эти допущения и предположения проходят лейтмотивом через текст и полностью раскрываются в первой лекции блока «Утопия», когда рассмотрение идеологии уже закончено и Рикёр начинает диалектически выстраивать аналогичную систему функций для утопии. При этом теоретическая база осмысления утопии скромнее – Рикёр меняет метод и «добраивает» концепцию утопии в процессе анализа утопических проектов Сен-Симона и Фурье.

Рикёр также определяет три основные функции утопии в соответствии с функциями идеологии. На уровне поверхностного восприятия, где идеология искажает реальность, утопия является смелой фантазией, причём абсолютно нереализуемой. На втором уровне, где идеология выполняет роль легитимации, утопия отрицает действующую власть и ищет ей альтернативы на уровне самих принципов власти. На третьем уровне, где реализуется наилучшая функция идеологии – поддержание личной или групповой идентичности, утопия изучает пределы возможного¹¹¹. Разберём несколько подробнее эти уровни по отдельности.

Первый уровень, в соответствии с логикой рикёровского исследования, выражает наиболее устойчивые в традиции характеристики, которые при этом имеют явную негативную коннотацию: идеология искажает реальность, а утопия заранее невыполнима. В то же время, для Рикёра данные характеристики

¹¹⁰ Lectures on Ideology and Utopia. 1986. P. 3.

¹¹¹ Ibid. P. 310.

представляют интерес в той мере, в которой они могут являться патологиями для идеологии и утопии. Иначе говоря, самый первый и поверхностный уровень содержит в себе перспективу вырождения¹¹². Вырождение идеологии выражается в переходе от «искажения реальности» к «обману», то есть искажению до степени диаметрально противоположного отражения, подобно радикальному марксистскому пониманию идеологии, для описания которого Рикёр использует метафору камеры-обскура, указывая на фактическую инверсию реальности¹¹³.

Вырождение утопии не менее драматично – из фантазии о «месте, которого нет», позволяющего по-другому взглянуть на «место, которое есть», утопия углубляется в проектирование, становясь формой эскапизма. Эскапистская утопия патологична тем, что признанно не имеет даже малейшего стремления к реализации. Речь идёт о том, что помимо признания не-реализуемости, утопия теряет хоть какую-то связь с реальностью, отказывается от стремления её изменить. Для Рикёра такая утопия патологична во многом потому, что она не способна «взрывать реальность», так как не имеет с ней чего-то общего. Такая утопия фактически уравнивается со статичной картиной идеального будущего в своей бесполезности по отношению к идеологии¹¹⁴. По мнению самого Рикёра, утопия, не стремящаяся к реализации, подверженная патологии эскапизма, уподобляется в своей обманчивости идеологии в своём худшем (патологическом) проявлении¹¹⁵.

На следующем уровне идеология и утопия противоположным образом взаимодействуют с идеей власти. Утопия стремится найти альтернативу, причём важно отметить, что утопическая альтернатива касается не только и даже не столько политики, сколько всех возможных систем общества и социальных иерархий – этот момент Рикёр сам проговаривает, но останавливается в

¹¹² Iakovou V. To Think Utopia With and Beyond Paul Ricoeur. London: 2012. P. 123.

¹¹³ Lectures on Ideology and Utopia. 1986. P. 78.

¹¹⁴ Taylor G. H. Delineating Ricoeur's Concept of Utopia // Social Imaginaries. 2017. Vol. 3. №. 1. P. 53.

¹¹⁵ Ricoeur P. Ideology and Utopia as Cultural Imagination // Philosophical Exchange, 1976, vol. 2 (2). P. 26.

основном на властных отношениях. Если идеология являлась некой «прибавочной стоимостью», заполнявшей разрыв между претензией на власть правящей группы и верой остальных членов общества в легитимность существующего положения, то утопия стремится раскрыть этот разрыв, обнажить его для людей. Причём стремление переосмыслить принцип власти для утопии настолько естественен и постоянен, что Рикёр предполагает, что «деинституализация основных человеческих отношений, в конечном счёте, есть стержень всех утопий»¹¹⁶.

И тут же Рикёр оговаривается, что попытки установления иной власти с целью освобождения человека могут привести к тирании достойного или к идее полного отказа от власти¹¹⁷. Таким образом, утопия в своём стремлении к абсолютной идее может угрожать в целом социальному порядку, из чего выводится более позитивная трактовка легитимирующей функции идеологии как поддержание текущего порядка от потрясений тирании или анархии, что отсылает нас прямоком к платоновской идее мифа как благого обмана. В то же время, для Рикёра вопрос власти остаётся крайне сложным (как отмечают комментаторы – на протяжении всего творчества¹¹⁸), и он полагает, что идеология и утопия ведут к проблеме непрозрачной природы власти¹¹⁹.

Третий же уровень интерпретируется Рикёром в первую очередь не через прямой антагонизм. Действительно, интеграция и исследование пределов возможного не являются взаимоисключающими на первый взгляд, и Рикёр не раскрывает столь подробно роль утопии на символическом уровне, однако указывает на два важных момента. Во-первых, утопия «взрывает» социальный порядок посредством демонстрации некоторого *нигде*, в котором существуют свои нормы и символы. Во-вторых, утопия остаётся во многом, если не литературным жанром, то сформулированным текстом, что означает

¹¹⁶ Lectures on Ideology and Utopia. 1986. P. 299.

¹¹⁷ Ibid.

¹¹⁸ Comparán C. Arendt and Ricœur on Ideology and Authority // Études Ricœuriennes / Ricœur Studies, 2014. Vol 5, No 2. P. 75.

¹¹⁹ Lectures on Ideology and Utopia. 1986. P. 309.

применимость к тому принципов герменевтической интерпретации, в процессе которой дискурс выполняет проективную функцию создания некоторого мира, а сам текст является координатами для ориентации в этом мире¹²⁰. По всей видимости, без обращения к другим работам Рикёра полностью понять как именно утопия противостоит идеологии, при условии вмешательства оной в символическое пространство общества, невозможно.

Собственно, одним из ключевых различий между идеологией и утопией является вопрос авторства. Обычно утопия представляет собой некоторое зафиксированное произведение, точно имеющего автора. Утопию можно написать, а вот идеологию – нет. Идеология в этом смысле анонимна и не очевидна. Идеология вскрывается только посредством критики, в то время как погружение в утопию возможно только при чтении утопии. Из этого выходит, что утопия может быть проще подвержена критике – самим читателем, в то время как идеология сначала должна быть обнаружена критическим взглядом и только потом критикуема¹²¹. Таким критическим взглядом для Рикёра является утопия – заведомо направленная на изобличение сегодняшнего состояния и поиск выхода. В то же время, утопия, по мнению Рикёра, сложнее поддаётся осмыслению как феномен в целом, ввиду слишком большого разнообразия авторских концептов и обсуждаемых тем¹²².

Несмотря на приведённые формальные различия, чёткое разграничение идеологии и утопии являлось неразрешённой проблемой для предшественников Рикёра. Из упомянутых самим Рикёром, только Карл Маннгейм предпринял попытку разграничения, но потерпел неудачу в попытке противопоставить идеологии и утопии науку. Рикёр же прямо противопоставляет идеологии утопию, а утопии идеологию, заковывая их в «порочный круг», который, однако, порочным не является¹²³. Рикёр исходит не из стремления разделить все

¹²⁰ Ricoeur P. *Interpretation Theory: Discourse and the Surplus of Meaning*. Texas: 1976. P. 95.

¹²¹ *Lectures on Ideology and Utopia*. 1986. P. 270.

¹²² *Ibid.* P. 271.

¹²³ *Ibid.* P. 180.

имеющиеся идеологии и утопии, но из развития теории социального воображения, основанной на феноменологической герменевтике¹²⁴. Поэтому критерием разделения служит роль, выполняемая идеологией или утопией как формой социального воображения. Рикёр в одной из статей прямо признаёт, что чёткое определение, относится конкретный нарратив к идеологии или к утопии, бывает невозможно¹²⁵. В «Лекциях» же Рикёр признаёт, что не видит выхода из парадокса Маннгейма, но предлагает «стараться лечить болезни утопии полезными сторонами идеологии и стараться лечить болезни ригидности, окаменения идеологии элементами утопии», чтобы превратить круг в спираль¹²⁶.

В идеальном же смысле, идеология и утопия одинаково относятся к социальному (культурному) воображению, являясь его формами. Идеология относится к репродуктивному социальному воображению, то есть направлена на воспроизведение существующего порядка. Утопия же относится к продуктивному социальному воображению, то есть направлена на производство новых образов¹²⁷. При этом идеология и утопия всегда имеют дистанцию от реальности, элемент отклонения.

Как пишет сам Рикёр, утопический элемент является ключевым компонентом идентичности, потому как идентичность содержит не только представления о прошлом и настоящем, но и ожидания от будущего¹²⁸. Таким образом, идеология и утопия на своём самом глубоком уровне, выполняя разные функции (воспроизведения и производства нового), играют конститутивную роль, разворачивая «битву идентичностей»¹²⁹. При этом, они всё также способны быть деструктивны на более высоких уровнях как противостоя друг другу, так и разрушая самих себя в патологической форме.

¹²⁴ Taylor G.H. Ricoeur's Philosophy of Imagination // Journal of French Philosophy, 2006, V. 16. P. 100.

¹²⁵ Ricoeur P. Ideology and Utopia as Cultural Imagination // Philosophical Exchange, 1976, vol. 2, no. 2. P. 17–28.

¹²⁶ Lectures on Ideology and Utopia. 1986. P. 314.

¹²⁷ Taylor G.H. The phenomenological contributions of Ricoeur's philosophy of imagination // Social Imaginaries. 2015. №. 2. P. 15.

¹²⁸ Ibid. P. 311.

¹²⁹ Iakovou V. To Think Utopia With and Beyond Paul Ricoeur. From Ricoeur to Action. London:2012. P.129.

Однако, «встреча» идеологических и утопических элементов на уровне формирования идентичности, на наш взгляд, закрепляет проблему разделения, которую Рикёр перенимает у Маннгейма. Дело в том, что идеология как форма воспроизводящего воображения может проецировать образ *status quo* в будущее – никаких видимых препятствий для того не наблюдается. Таким образом, утопический элемент может быть исключён из процесса формирования идентичности в ситуации абсолютной стабильности. Не освещая данный момент подробно, вероятно, Рикёр подразумевал не только неспособность идеологии постоянно соответствовать текущему моменту¹³⁰, но и неизбежность изменений, что, учитывая его взгляды на историю, отсылает нас к его философской антропологии¹³¹.

Как мы можем заметить, диалектика идеологии и утопии затрагивает множество аспектов: функции, отношение к власти, хронологическую роль, представленность в тексте, авторство и т.д. Рикёр признаёт, что дискуссия об утопии сложна из-за того, что концепция утопии перенимает ту же неопределённость, что имеет идеология, причём в связи со схожими причинами. Тем интереснее обозначение утопии как «полемического инструмента, относящегося к полю риторики»¹³².

Таким образом, на наш взгляд, можно предположить, что в рамках «Лекций» концепция утопии Поля Рикёра вторична по отношению к концепции идеологии, выполняя инструментальную функцию осмысления концепции идеологии через герменевтическую теорию интерпретации. Утопия позволяет преодолеть парадокс Маннгейма лишь в герменевтическом смысле, то есть через бесконечное повторение циклов критики и изменения реальности. В то же время, концепция утопии как бы завершает концепцию идеологии, закрывая дихотомию идеологии и утопии в законченную герменевтическую систему с готовым инструментарием для интерпретации, обращение к которой может выполняться

¹³⁰ Ibid. P. 313.

¹³¹ De Leeuw M. Paul Ricoeur's renewal of philosophical anthropology: vulnerability, capability, justice. P. 99.

¹³² Lectures on Ideology and Utopia. P. 310.

по мере необходимости. Во многом поэтому Сарджент отмечал, что для теории Рикёра утопия подчас более важна, нежели идеология, несмотря на значительно меньший уделённый объём¹³³. «Решающая черта утопии тогда не реализуемость, но сохранение оппозиции», – подводит черту под своим комментарием к Маннгейму Рикёр¹³⁴.

¹³³ Sargent L. T. Ideology and utopia. Utopian Horizons. Central European University Press, 2013. P. 35.

¹³⁴ Lectures on Ideology and Utopia. P. 180.

2.2 Особенности и парадоксы утопии

Характеристика концепции утопии не ограничивается лишь диалектическим взаимодействием с идеологией и, в соответствии с принципами герменевтики, требует анализа как отдельного целого. Несмотря на то, что, как было сказано ранее, в рамках «Лекций» концепция утопии скорее является дополнением к идеологии и Рикёром формировалась с опорой на выявленные уровни и функции идеологии, концепция утопии не теряет интерес для исследования. Нужно полагать, что избранный Рикёром вариант раскрытия концепции утопии, наоборот, способствовал меньшей теоретической проработке (на что указывает меньшее число рассмотренных теоретиков) и, как следствие, большей неточности, которую мы постараемся уловить.

Следуя тексту первоисточника в начале стоит рассмотреть первый уровень, на котором утопия предстаёт как фантазия. Поверхностный уровень для Рикёра связан в первую очередь с патологиями. По мнению Рикёра, патологией утопии является эскапизм, то есть разрыв с реальностью до такой степени, что утопия становится бесполезной, превращаясь из некоторого художественного вымысла (*fiction*) в просто идеальную картину (*picture*).

Учитывая, что Рикёр проводит различие между вымыслом и картиной в сопоставлении с характеристиками утопии и идеологии, где утопия представляется художественным вымыслом, а идеология – всего лишь картиной, которая рано или поздно устаревает¹³⁵, то патологическая утопия опускается до уровня идеологии и совпадает с ней. Это кажется недопустимым, ввиду обесценивания всего смысла утопии, однако Рикёр прямо пишет, что, по всей видимости, это особый недуг всех утопий – извечный сдвиг от художественного вымысла к просто картине¹³⁶. Таким образом, каждая утопия рано или поздно вырождается в свою патологическую форму, уподобляясь идеологии и, видимо, потому не была различена многими мыслителями. Например, Дарендорф в своей

¹³⁵ Lectures on Ideology and Utopia. 1986. P. 313.

¹³⁶ Ibid. P. 295.

статье «Прочь из утопии» 1958 года критикует структурный функционализм Толкотта Парсонса, сравнивая тот с утопией в смысле создания статичной и неразвивающейся картины общества, закрепляющей *status quo* и тормозящей развитие социологии¹³⁷. Нечто подобное, надо полагать, постигает и идеологии, когда они перестают соответствовать реальности. В то же время, Джордж Тэйлор указывает, что утопия остаётся вымыслом всегда, несмотря на тенденцию к «заморозке»¹³⁸, что связано с невозможностью её реализации полностью, а реализованная лишь частично она продолжит стремиться к реализации, побуждая людей к новым вымыслам¹³⁹.

Здесь важно оговориться о смысле различения между художественным вымыслом (*fiction*) и готовой картиной (*picture*). Дело в том, что термин *fiction* не имеет однозначно подходящего перевода на русский язык, так как для Рикёра *fiction* подразумевает наличие в нём некоторого развития, действий героев, разворачивающегося рассказа об установлении утопии или её развитии¹⁴⁰. Такое развитие может реализовываться путём описания как к утопии последовательно шли, как она была установлена, исходя из какой логики и посредством каких действий устанавливались те или иные институты. Проблема же возникает в тот момент, когда утопия достигает своего пика и останавливается в развитии, как бы «замораживаясь». Такая заморозка, по всей видимости, действительно неизбежна, исходя из природы текста (в противном случае, как заметил Дарендорф, утопия теряла бы смысл, если бы показывала не конечное, а переходное состояние общества¹⁴¹), но, тем не менее, различные тексты подходят к этому моменту по-разному и в разной степени. Рикёр таким образом, вероятно, пытается отсечь от анализа тексты, которые заранее не подразумевают никакого действия в результате их прочтения, когда возможность реализации не просто осознаётся автором, но и им самим прямо отрицается. Такая утопия (примером

¹³⁷ Дарендорф Р. Тропы из утопии. М.: 2002. С. 335–346.

¹³⁸ Taylor G.H. Delineating Ricoeur's Concept of Utopia // *Social Imaginaries*. 2017. Vol. 3. №. 1. P. 55.

¹³⁹ Marcelo G. Paul Ricoeur and the Utopia of Mutual Recognition // *Ricoeur Studies*. 2011. №1. P. 126.

¹⁴⁰ Taylor G.H. The phenomenological contributions of Ricoeur's philosophy of imagination // *Social Imaginaries*. 2015. №. 2. P. 18.

¹⁴¹ Тропы из утопии. М.: 2002. С. 332.

для Рикёра является собственно «Утопия» Томаса Мора) просто выстраивает альтернативную реальность, переставая быть риторическим инструментом переосмысления настоящей реальности и исключая переход «от текста к действию».

В данном смысле Поль Рикёр различает утопию в терминах Раймона Руйе. Рикёр выделяет отдельное узкое понимание утопии как литературного жанра, а также отдельно пишет о, так называемых, «утопическом режиме» (*utopian mode*) и «духе утопии» (*utopian spirit*). Таким образом, конкретная утопия всегда обречена на то, чтобы устареть, перестать соответствовать идеологии так же, как идеология перестаёт соответствовать реальности. Однако утопия вообще как некий способ мышления и феномен (форма культурного воображения) не ограничена конкретным произведением и потому может регулярно обновляться герменевтически. Парадоксы не останавливают герменевтику, в отличие от науки и её формально-логического ригоризма. Патология эскапизма поражает утопию в узком смысле и требует постоянного обновления от утопии в широком смысле (: «Утопическое воображение всегда должно превращаться в конкретные ожидания»¹⁴²). Такова особенность первого уровня.

На втором уровне, где идеология и утопия сталкиваются с проблемой власти, утопия, как указывает Рикёр, всегда располагается между двумя диаметрально противоположными позициями: тиранией достойного и отрицанием власти вообще. Это порождает проблему возможного установления тирании, при воплощении утопии, причём ещё более жестокой, чем есть в данный момент. Также существует опасность радикального перфекционизма, устраняющего реальное в угоду идее¹⁴³. Так утопия сохраняет деструктивный потенциал даже после подрыва установленного порядка и повторного собирания воедино альтернативной реальности из осколков.

¹⁴² Time and Narrative, vol. 3. P. 258.

¹⁴³ Вдовина. И.С. Словарь Поля Рикёра (Часть вторая) // Философские науки, 2012. № 2. С. 112..

По всей видимости, напрямую противостоит разрушительности утопии конструктивная функция идеологии на третьем уровне. Мы также можем предположить, что третий уровень утопии, то есть изучение пределов возможного, напрямую сдерживает деструктивный потенциал постоянного сдерживания, к которому склонна идеология. Данная двойственность потенциалов, на наш взгляд, связана не только с природой символа, как полагал Рикёр, связывая тем самым проблему социального воображения со своим «Конфликтом интерпретаций»¹⁴⁴, но и с парадоксом политического, а именно – с совмещением рационально и иррационального начал в политике¹⁴⁵.

Также стоит упомянуть такое интересное замечание Рикёра, сделанное во время анализа утопии Сен-Симона, что «утопия всегда стремится найти универсальный класс»¹⁴⁶. Здесь стоит сказать, что именно отход от классового параметра утопии критикуется Левитасом как ошибка Рикёра в интерпретации Маннгейма¹⁴⁷. Такой класс бы участвовал в управлении и был бы своего рода воплощением деперсонализованного коллективного достойного тирана. Альтернативным вариантом служит продуцирование крайне точных схем и моделей государственного управления, когда утопист подробно расписывает необходимое (наиболее справедливое) устройство с точностью до количества членов каждого из новых органов власти¹⁴⁸. По сути, и поиск универсального класса, и «магия цифр» – лишь попытки разрешить проблему власти, причём последний вариант приближает утопию к патологическому состоянию законченной картины.

На символическом также уровне имеет некоторые особенности. Как было указано ранее, утопический элемент идентичности создаёт ожидание будущего. Утопия как бы всегда направлена вперёд (за исключением случаев патологии), однако способы, которыми утопия создаёт ожидание будущего, могут быть

¹⁴⁴ Рикёр П. Конфликт интерпретаций. М: 2008. С. 115.

¹⁴⁵ Рикёр П. История и истина. СПб: 2002. С. 294.

¹⁴⁶ Lectures on Ideology and Utopia. 1986. P. 293.

¹⁴⁷ Levitas R. The Concept of Utopia. Philip Allan: 1990. P. 90.

¹⁴⁸ Lectures on Ideology and Utopia. 1986. P. 302.

различными. Рикёр указывает, что в качестве приёма утопист может размещать свою утопию в том же времени, в котором живёт, а движение «от» действительности осуществлять за счёт инверсии, то есть картины перевёрнутых отношений¹⁴⁹. Другим же способом может быть не просто инверсия социального порядка, но инверсия памяти, а точнее – инверсия забвения¹⁵⁰. Рикёр замечает, что забвение является своего рода инверсией того, что было (фактов памяти), в то время как утопии (Рикёр в первую очередь вспоминает классические античные утопии, но затем обращается и к современным постколониальным утопиям) могут стремиться к инверсии забвения, то есть возрождению традиции. Причём речь может идти не о реальной традиции, а её авторской интерпретацией или полным художественным вымыслом. В таком случае действующий порядок уже воспринимается как инвертированный.

Вероятно, таким образом Рикёр преодолевает доминирование идеологии в символическом пространстве, указывая на инверсию как на простейший метод реинтерпретации символа. При этом реинтерпретация может происходить как для действующего социального порядка, и тогда формируется картина перевёрнутых отношений, так и в хронологическом измерении. За счёт этого утопия устремляется «от» навязываемого идеологией образа реальности в пространство альтернативы¹⁵¹. Для большего эффекта в утопиях зачастую используются гиперболы – преувеличение инвертированного общества или исходного общества по отношению к настоящему. Антиутопический жанр, в таком случае, инвертирует сам характер альтернативы, гиперболизируя некоторые тенденции действительности, обращаясь к не-желанному месту, которого нет, и напирая, наоборот, на связь с реальностью и реализуемость¹⁵².

На наш взгляд, Рикёр не просто так называет утопию «полемическим инструментом» и относит её к полю риторики. Основная сложность оценки

¹⁴⁹ Ibid.. P. 307.

¹⁵⁰ Ibid. P. 308.

¹⁵¹ Luz E. Utopia and Return: On the Structure of Utopian Thinking and Its Relation to Jewish-Christian Tradition // The Journal of Religion. 1993. №3. P. 362.

¹⁵² Johnson G. The situated self and utopian thinking // Hypatia. 2002. №3. P. 35.

идеологии – субъективность, подверженность самой идеологии, что выливается в невозможность абсолютно объективно оценить её и раскрыть. Попытки Маннгейма неспроста напоминали пассажи Гегеля – Рикёр относит идеологию к полю субъективного, указывая, что возможность искажения основана на символизме человеческой деятельности (в этом смысле некоторые исследователи отмечают, что Гирц повлиял на рассуждения об идеологии даже сильнее Маркса и Маннгейма¹⁵³), а символ, как известно, имеет бесконечный потенциал к интерпретации¹⁵⁴. Поэтому Рикёр предлагает перейти к субъективной критике идеологии – утопии, которая, будучи письменным жанром, имеет автора, то есть субъекта, несущего ответственность за написанное, а также конечного интерпретатора, могущего подвергнуть утопию критике без необходимости её раскрытия, как в случае с идеологией.

С одной стороны, утопия действительно не соответствует действительности, но она это прямо признаёт и даже не пытается скрывать, но это не должно выливаться в полное отсутствие связи. С другой стороны, теория времён подготовки «Лекций» ещё страдала сциентизмом и потому стремилась радикальными и витиеватыми концепциями обойти «парадокс Маннгейма». Более того, критики стало настолько много, настолько глубока саморефлексия исследователя, настолько он не слеп относительно своей предвзятости, что это просто привело к парализованности и страху ценностных суждений¹⁵⁵. И Рикёр доказывал в «Лекциях», что парадокс невозможно обойти, но это не означает невозможности работы с ним и необходимости копать как можно глубже. Утопия не стремится открыть настоящее, но приоткрыть будущее, именно эта черта, по мнению Рикёра, должна помочь выбраться из круга парадокса и превратить его в спираль. Именно в этом заключается инструментальная роль утопии – внедрение принципа герменевтики в политическую теорию для

¹⁵³ Vendra M. Paul Ricœur and Clifford Geertz The Harmonic Dialogue between Philosophical Hermeneutics and Cultural Anthropology // *Études Ricœuriennes / Ricœur Studie*, 2020, Vol 11, No 1, P. 59.

¹⁵⁴ Рикёр П. Конфликт интерпретаций. М: 2008.С. 399.

¹⁵⁵ Lectures on Ideology and Utopia. 1986. P. 313.

решения проблемы идеологии¹⁵⁶. В самом конце Рикёр открыто берёт критерий «уместности» (*appropriateness*) Маннгейма, который прямо пересекается в рикёровским пониманием герменевтической интерпретации.

Безусловно, как верно подметил Дауэнхаур, применение утопии на практике кажется довольно сложным и соблазнительно отделить утопию и идеологию от чего-то ещё¹⁵⁷, однако суть парадокса и заключается в невозможности уйти от него, необходимости признать пределы рационального познания, поняв свою природу лучше и тем самым приблизившись к свободе¹⁵⁸.

Таким образом, концепция утопии в «Лекциях по идеологии и утопии» является дополнением к концепции идеологии у Поля Рикёра и вторична в том смысле, что раскрывается лишь после понимания идеологии. В то же время, концепция утопии является авторским решением парадокса Маннгейма, то есть задачи рефлексии идеологии, и происходит из герменевтической теории интерпретации символа Поля Рикёра. Концепция утопии содержит в себе неразрешимые вопросы соотношения динамики и статики, а также соотношения добра и зла, которые, тем не менее, компенсируются герменевтическим методом применения утопии и взаимодействия её с идеологией. Строго говоря, Рикёр не разрешает выявленных парадоксов идеологии и утопии, но предлагает применить к ним метод герменевтики.

¹⁵⁶ Moore H. L. 'Visions of the Good Life': Anthropology and the Study of Utopia // Cambridge Anthropology. 1990. P. 20.

¹⁵⁷ Dauenhaur B. Ideology, Utopia, and Responsible Politics // Man and World 22, 1989, P. 30.

¹⁵⁸ Savage R. Paul Ricoeur's Philosophical Anthropology as Hermeneutics of Liberation Freedom, Justice, and the Power of Imagination. New York: 2021. P. 117.

ГЛАВА 3. УТОПИЯ КАК СОСТАВНОЙ ЭЛЕМЕНТ ФИЛОСОФСКОЙ СИСТЕМЫ ПОЛЯ РИКЁРА

3.1 Утопия и герменевтическая теория интерпретации

Следующей стадией нашего анализа является выход за пределы «тематических» источников и отслеживание концепции утопии в общем корпусе работ Поля Рикёра. Данная операция представляется невозможной без обращения к герменевтической теории, поэтому в первую очередь мы рассмотрим утопию как нарратив, то есть рассказ, записанный в тексте, к которому применим общие положения теории интерпретации.

Важно заметить, что теория интерпретации¹⁵⁹ основывается на принципиальной двойственности значений знаков, посредством которых общаются люди. Первое значение – то, которое закладывает автор, тогда как второе – собственное значение знака (которое воспринимает слушатель), при этом после озвучивания знака, второе значение также становится доступным для считывания автору. Процесс коммуникации, то есть обмен знаками и их интерпретация, образуют ситуацию дискурса. Дискурс состоит из высказываний, которые имеют как некоторое содержание (смысл), так и ссылку на контекст ситуации дискурса. Смысл, отвечающий на вопрос «что?», устанавливает логическую предикативную связь, лучше всего значение смысла выразил сам Рикёр тавтологией «без смысла высказывание бессмысленно». Ссылка отвечает на вопрос «о чём?», то есть к чему относится установленная предикативная связь. Такая ссылка, называемая ещё референсом, может быть направлена как на прямо наблюдаемый объект в процессе непосредственного диалога (остенсивный референс – буквально «указание пальцем»), так и на одно из высказываний (совокупность знаков) произнесённых в процессе дискурса. Таким образом, дискурс может иметь ссылки не только на реальность, но и на самого себя, что

¹⁵⁹ Ricoeur P. Interpretation Theory: Discourse and the Surplus of Meaning. Texas, 1976.

есть свойство самоссылаемости (самореферентности) дискурса, определяющее способность того образовывать миры, выполняя проективную функцию.

Человек склонен видеть знаки *a priori* в любой социальной деятельности (или в природе, как, например, в первобытных религиях), но наибольшее пространство для интерпретации, пожалуй, представляет текст, так как основан на знаках полностью, но при этом не имеет эффективного механизма обратной связи с читателем – крайне небольшое число читателей может напрямую обратиться к автору, остальные же вынуждены интерпретировать текст с опорой лишь на свои возможности. Это означает и невозможность использовать остенсивный референс – дискурс вынужден ссылаться только сам на себя, образуя целое. При этом текст контекстуально дистанцирован от интерпретатора, будучи написан в другом социально-культурном контексте, что также осложняет интерпретацию. Ведь важно учитывать, что опыт каждого человека уникален, а так как люди пока не имеют средства непосредственной (не опосредованной знаками) коммуникации, то между ними всегда обнаруживается непреодолимый разрыв (к слову, определяющий извечность дихотомии «я–другой»). Также, в процессе становления текста и языка, были выработаны художественные приёмы, такие как метафоры, а также выявлены знаки, обладающие огромным (бесконечным) потенциалом для интерпретации – символы. Символами, как было сказано ранее, опосредована любая человеческая деятельность, что порождает пространство для интерпретации, открывая перспективу абстрактному мышлению, философии, искусству и многому другому.

Утопия, как было указано выше, в первую очередь является литературным жанром, который может быть переведён в область критического метода. Иначе говоря, утопия – это некий текст, рассказ, нарратив, обладающий в следствие своей текстуальной природы значительным потенциалом к интерпретации. Однако, как мы заметили в прошлой главе, утопия образуется из того же символического пространства, в котором существует идеология, в связи с чем

возникает естественное генетическое опасение – не является ли утопия лишь литературным воплощением идеологии, закованном в те же символические рамки¹⁶⁰? От этого принципиального момента зависит, в сущности, свобода человеческого воображения: свободен ли человек или мы должны согласиться с знаменитой формулой Славоя Жижека «мы свободны лишь потому, что не имеем языка для выражения несвободы»¹⁶¹?

Ответ на данный вопрос комментаторы (в частности, Джордж Тэйлор¹⁶²) обнаруживают в продолжении рикёровской теории метафоры на концепцию утопии. Вспомним, что «Лекции» были впервые прочитаны в год выхода работы «Живая метафора», в которой собственно и описывался принцип работы метафоры – сопоставление на первый взгляд различных объектов, обладающих, однако, рядом сходств¹⁶³. Метафора подчёркивает данные сходства и образует новый дискурс, в котором два ранее несвязанных объекта теперь находятся в прямой связи, что позволяет взглянуть на них и на мир в целом по-новому. Иначе говоря, метафора образует новое из наличного, для пояснения чего Рикёр приводит аналогию с образом кентавра – совмещения человека и лошади, при том, что и лошадь, и человек были до момента появления образа кентавра определённо известны, но только в их объединении появился сам кентавр¹⁶⁴.

С этим знанием мы можем обратиться к статье Рикёра «Воображение в дискурсе и в действии» 1976 года, посвящённой перемещению от интерпретации дискурса к реальности посредством вымысла (*fiction*) и социального воображения. Наиболее приближенной к реализации интерпретации на практике Рикёр называет именно утопию, а не идеологию, хотя именно вторая стремится отразить реальность – здесь возникает сразу несколько проблем. Во-первых, идеология имеет репродуктивный характер, она как бы «удваивает» социальное пространство, эта форма социального воображения не ищет нового и к нему не

¹⁶⁰ Steeves J. B. *Utopia and Text: Ricoeur's Critique of Ideology // Symposium*, 2000. IV, 2. P. 226.

¹⁶¹ Жижек С. Год невозможного. Искусство мечтать опасно. М.: 2012. С. 172.

¹⁶² Taylor G. H. *Delineating Ricoeur's Concept of Utopia // Social Imaginaries*. 2017. Vol. 3. №. 1. P. 47.

¹⁶³ Ricoeur P. *The Rule of Metaphor*, trans. R Czerny, University of Toronto Press, Toronto; 1977. P. 254.

¹⁶⁴ Ricoeur P. *The Function of Fiction in Shaping Reality*. Toronto, 1991. P. 119.

способна, выполняя функцию консервации и повторяющегося утверждения действительности. Во-вторых, идеология сокрыта от человека, воздействуя на того незаметно, через символы. Идеологию, напомним, не читают открыто, её обнаруживают в процессе критики.

Утопия же, являясь в самом первом своём понимании литературным жанром, открыта для внимания интерпретатора изначально, что упрощает взаимодействие с ней. Более того, утопия по сути своей есть художественный вымысел, фантазия, закреплённая в тексте¹⁶⁵. Она направлена вперёд именно потому, что способна через метафору (примером которой можно назвать инверсию социальных отношений) порождать новые миры, не просто перебирая набор известных символов, продавливаемых идеологией, но соединяя их в совершенно невероятных комбинациях, образуя новые дискурсы, образующие новые миры.

При этом отдельная сила утопии кроется в направленности референсов в утопических дискурсах. Утопия – это «нигде», и высказывания в дискурсе изначально устремляются не к реальности, но к этому «нигде», с чем и связана патология утопии – слишком большой уход в «нигде» с отрывом от реальности. Поддержание же связи с «реальностью» не является главной задачей и основано лишь на процессе «взрыва», «разбивания» существующего социального порядка и попытки пересобрать из его осколков новое, что, по сути повторяет механизм действия метафоры¹⁶⁶.

В таком случае представляется уместной аналогия Джеймса Стивса, предложившего сравнивать идеологию с дискурсом, а утопию с процессом чтения, в результате которого (конечно, речь идёт об интерпретации) дискурс уточняется и может даже кардинально измениться. Таким образом, утопия может не только полностью разбивать идеологию, но как она это делает на практике – вносить коррективы¹⁶⁷. Так утопия включается в герменевтику Рикёра не только

¹⁶⁵ Рикёр П. Воображение в дискурсе и в действии. Польш Рикёр в Москве. М.: 2010. Р. 462.

¹⁶⁶ Taylor G.H. Ricoeur versus Ricoeur? Between the Universal and the Contextual. London 2012. P. 140.

¹⁶⁷ Steeves J. B. Utopia and Text: Ricoeur's Critique of Ideology // Symposium, 2000. IV, 2. P. 230.

как собственно объект исследования, непосредственно текст, но и как аналогичный базовому метод, применённый к социальному воображению, что открывает пространство для рассмотрения эпистемологического смысла утопии. В этом плане показательны попытки отдельных исследователей использовать метод противопоставления идеологии и утопии для анализа научных дискурсов в социальных науках¹⁶⁸ и философии¹⁶⁹¹⁷⁰.

Возвращаясь к интерпретации утопии как текста, стоит понимать, что сама по себе утопия не так ценна, будучи просто набором некоторых знаков, в которые когда-то что-то вложил автор. Утопические проекты разворачиваются только в процессе интерпретации, который происходит во время чтения или обсуждения, что связывает концепцию утопии уже с вопросами коммуникации, что особенно может быть интересно в условиях различных языков и необходимости перевода на них утопических текстов. Рикёр указывал, что перевод, несмотря на все различия и особенности разных языков, является процессом некоторого братского объединения людей ради общей цели, в результате которой складываются концептуальные, лингвистические, интерпретационные и прочие навыки, укрепляя тем самым общение между конкретными людьми и народами в целом¹⁷¹. Особенно ощутимо необходимость перевода текстов и чтения на разных языках, как пишет Бит Бенгард, прослеживается в христианском экуменизме¹⁷², где утопия играет значительную роль не просто как идея, но и как собственно текст (здесь стоит оговориться, что Рикёр видел в христианстве уникальное неконфликтное сочетание идеологии и утопии¹⁷³¹⁷⁴).

¹⁶⁸ Langdrige D. Ideology and Utopia: Social Psychology and the Social Imaginary of Paul Ricoeur // *Theory & Psychology*. 2006. №5. P. 641–659.

¹⁶⁹ Hoskins G. The Capacity to Judge and the Contours of a Theory of Political Judgment. 2012. P. 85–104.

¹⁷⁰ Marcelo G. Paul Ricoeur and the Utopia of Mutual Recognition // *Études Ricoeuriennes/Ricoeur Studies*. 2011. №1. P. 110–133.

¹⁷¹ Ricoeur P. *The Paradigm of Translation. On Translation* / trans. Eileen Brennan. Abingdon: Routledge, 2006. P. 23–24.

¹⁷² Bengard B. Reception, Recognition, and Utopia // *The Ecumenical Review*, 2017. Vol 69 (1). P. 23–33.

¹⁷³ Ricoeur P. Ideology, Utopia, and Faith // *Center for Hermeneutical Studies*, 1976, vol. 17, P. 21–28

¹⁷⁴ Ricoeur P. Tasks of the Ecclesial Community in the Modern World. *Theology of Renewal II*, ed. L. K. Shook. New York: Herder and Herder, 1968. P. 243–245.

Таким образом, концепция утопии открыта для интерпретации как с точки зрения метода герменевтики, так и предмета герменевтической теории, то есть текста. При этом текстуальные характеристики утопии позволяют ей оказываться в свободе от идеологии и не сливаться с ней, используя её части и отдельные нарративы¹⁷⁵. Это также оспаривает биографическую интерпретацию появления концепции утопии и понимание её значения как лишь дополнения к идеологии, которое могло сформироваться в процессе изучения «Лекций» – концепция утопии теперь оказывается даже больше встроена в герменевтику Рикёра, нежели идеология, так как она не просто наделена крайне важной функцией праксиса, то есть реализации задуманного, но и может сама поддаваться герменевтической интерпретации напрямую, покуда является текстом. Концепция утопии максимально соотносится с актуальной на момент своего появления герменевтикой символа и метафоры, опираясь больше на достижения последней.

¹⁷⁵ Taylor G. H. Ricoeur's Philosophy of Imagination // Journal of French Philosophy, 2006, V. 16. P. 100.

3.2 Эпистемологический смысл утопии

Концепция утопии связана не только и даже не столько с концепцией идеологии, сколько с теорией социального воображения Поля Рикёра, которая прямо опирается на прочтение кантовской эпистемологии и феноменологию Гуссерля. В связи с этим, концепция утопии может быть рассмотрена в контексте эпистемологии как раскрывающая особое знание о том, чего нет, знание о «нигде» и его соотношение с остальным знанием. Для этого «спустимся» к утопии не от идеологии, а от собственно теории воображения.

Под воображением Рикёр понимает «апперцепцию, внезапное видение, новое предикативное действие, то есть способ построения соответствия в несоответствии»¹⁷⁶. Рикёр далее поясняет: «Воображать – прежде всего, значит реструктурировать семантические поля, «видеть как», согласно выражению Витгенштейна...»¹⁷⁷. Этот механизм воображения наилучшим образом проявляет себя в метафоре, которая «состоит в сближении, которое внезапно удаляет логическое расстояние между двумя удалёнными друг от друга семантическими полями, чтобы вызвать семантическое расстройство [«разорвать категоризацию», – в англоязычном тексте статьи – прим.], которое, в свою очередь ведёт к вспышке метафорического смысла». Нечто подобное, как было сказано ранее, мы можем наблюдать у утопии. Однако более важно здесь то, что воображение, будучи связано с метафорой, относится не прямо к герменевтике, то есть пониманию, но к сфере образования нового в языке – поэтике. Таким образом, утопия оказывается не только связана с теорией интерпретации, как предполагают некоторые комментаторы¹⁷⁸, но и с концепцией поэзиса. Более того, возникает своего рода герменевтический парадокс – успешного утопического воображения, необходимо как можно лучше овладевать традицией и идеологией¹⁷⁹¹⁸⁰.

¹⁷⁶ Рикёр П. Воображение в дискурсе и в действии. Польша Рикёр в Москве. М.: 2010. Р. 457.

¹⁷⁷ Там же.

¹⁷⁸ Jaeggi R. Rethinking Ideology. New Waves in Political Philosophy. New York: 2009. Р. 80.

¹⁷⁹ Hoskins G. The Capacity to Judge and the Contours of a Theory of Political Judgment. 2012. Р. 90.

¹⁸⁰ Вдовина И.С. Польша Рикёр: на «Елисейских полях» философии. М.: 2019. С. 242.

Воображение же имеет помимо проективной функции, раскрытой через метафору выше, ещё и функцию репродуктивную. И если в «Лекциях по идеологии и утопии», данные функции сопоставлялись с собственно идеологией (воспроизведение) и утопией (произведение), то далее в своих работах Рикёр несколько разнёс данные понятия. Так, репродуктивное социальное воображение также может приобретать форму памяти – идеология в этом случае оказывается лишь конкретной формой социального воображения, которая всё так же велика в своём поле, но всё-таки неумолимо меньше феномена памяти¹⁸¹. Утопия же есть форма вымысла, который ответственен за способность людей производить что-то новое. Разберём следствия из этого.

Основная нарративная польза от репродуктивного воображения в философской антропологии Рикёра – способность выстраивать единый жизненный рассказ¹⁸² [нарратив и рассказ в настоящей работе выступают как синонимы – прим.], от которого зависит повествовательная (нарративная – в другом переводе) идентичность человека. Жизненный рассказ опирается на некоторую интерпретацию фактов прошлого и положения в настоящем, а также на некоторые ожидания от будущего. Факты прошлого в человеческой памяти не хранятся одинаково – жизненный рассказ восстанавливается каждый раз по мере необходимости и упоминаемые факты есть результат двух противоположных явлений: памяти и забвения. Подобную картину можно наблюдать не только на индивидуальном уровне, но и в виде феномена «коллективной памяти», что есть господство тех или иных исторических нарративов, воспроизводимых в общественном дискурсе. Выход на общественный уровень явно примешивает к «коллективной памяти» влияние идеологии. В отношении коллективных воспоминаний идеология реализует не только позитивную функцию интеграции

¹⁸¹ Рикёр П. Память, история, забвение. М.: 2004. С. 24.

¹⁸² Venema I. Identifying Selfhood: imagination, narrative, and hermeneutics in the thought of Paul Ricoeur. NY: 2000. P. 61.

и «инструментальную» функцию легитимации, но и неотвратимо искажает память, открывая пространство тому, что именуется «политикой памяти»¹⁸³.

Утопия, как было рассмотрено ранее, противоположна идеологии, поэтому она не просто направлена вперёд, как об этом говорил Рикёр в 1975 году в «Лекциях», но и опровергает идеологическое искажение прошлого. Утопия атакует память, предлагая собственное понимание истории, для чего разрушает существующие нарративы и обращается к забытому. Покуда обратным к памяти феноменом является забвение, то происходит как раз то, о чём писал Рикёр – инверсия памяти, где память есть инверсия забвения, то есть инверсия инверсии. Таким образом, на наш взгляд, было бы неправильно ограничивать утопию лишь ориентацией на будущее, как было уже предложено не ограничивать идеологию ориентацией на прошлое и настоящее. В то же время, «утопический элемент» недостаточен для создания нарративной идентичности именно из-за своей «утопичности», то есть признания не-реальности рассказываемого – утопия явно не подходит для личной истории человека и поддержания идентичности в масштабах народа.

На наш взгляд, отдельное достоинство утопии обусловлено как раз признанием собственного небытия. Открытое признание не-существования мира актуализирует проблему реальности мира в принципе – какие-то миры могут не существовать. Более того, утопии выстраиваются таким образом, что эти несуществующие миры «работают», то есть подчинены какой-то определённой логике – тому самому «компасу», которым является текст, в мире, который выстраивает дискурс¹⁸⁴. Критическое восприятие такого художественного вымысла с опорой на жизненный опыт встраивается в понимание «Я» в «реальном» мире¹⁸⁵, чем актуализирует проблему реальности мира, а также принципов его устройства, что и есть подрыв доверия и идеологии. В этом случае

¹⁸³ Рикёр П. Память, история, забвение. М.: 2004. С. 121.

¹⁸⁴ Ricoeur P. The Function of Fiction in Shaping Reality. A Ricoeur Reader: Reflection and Imagination. Toronto: 1991, P. 128.

¹⁸⁵ Рикёр П. Я-сам как другой. М.: 2008. С. 384.

утопия и идеология как бы соревнуются в убедительности для индивида, где оружием утопии выступают целостность и «уместность» картины желаемого «нигде» и метафоры, поддерживающие неявную связь между разрушенной реальностью и созданным вымыслом, а идеологии – выстроенный коллективный нарратив и символическая структура. Таким образом противостояние идеологии и утопии приобретает ещё риторическое измерение в работах Рикёра¹⁸⁶.

По всей видимости, патологичность утопии зависит именно от способности её не отрываться от реальности, заходя в слишком сложные и многоуровневые метафоры, что коррелирует с основной проблемой Маннгейма в объяснении идеологии, по мнению Рикёра – радикальном стремлении объяснить доходящем до нанесения самому себе поражения. В этом смысле огромную роль играет критерий «уместности» (*appropriateness*) в смысле «достаточности», поскольку выход из круга невозможен, что приводит Рикёра к пересмотру теории истины¹⁸⁷.

Истина подобная для идеологии и утопии наилучшим образом описана Рикёром в работе «Справедливое II» в отношении права: «О какой разновидности истины идет здесь речь? Теперь ее надо сформулировать в терминах уже не (право)способности, но приемлемости. Это истина *fit*, т. е. своего рода ситуационная очевидность, характерная для того, что заслуживает называться убеждением, внутренним убеждением, даже если решение принимается в комнате для совещаний. Говорим ли мы здесь об объективности? Нет, мы говорим в констатирующем смысле. Речь скорее идет об уверенности, согласно которой в данной конкретной ситуации данное конкретное решение является наилучшим, единственно возможным. Речь не идет о принуждении, ведь сила убеждения не имеет ничего общего с детерминизмом фактов. Это очевидность *hic et nunc* того, что уместно сделать»¹⁸⁸. По мнению Блэйка Скотта,

¹⁸⁶ Scott B. D. Ideology, Utopia, and Phronetic Judgment in Paul Ricoeur // *Analecta Hermeneutica*. 2021. №13. P. 150.

¹⁸⁷ Lectures on Ideology and Utopia. 1986. P. 313–314.

¹⁸⁸ Рикёр П. Справедливое. М.: 2005. С. 247.

идеология и утопия Поля Рикёра могут быть рассмотрены в рамках рикёровского понимания фронетического суждения, то есть в концепции фронеизиса, выступая как бы аналогом морали и этики в праве, но только для политики¹⁸⁹. Там, где нормы морали сталкиваются с реальностью и перестают ей соответствовать, необходимо обращение к этике (сфере человеческих устремлений) для поиска разрешения в конкретной ситуации. Различные политические обстоятельства таким образом уподобляются судебным прецедентам, что требует особой процедуры и герменевтического понимания политической истины. Тем показательнее, что сам Рикёр допускал, что патологии утопии и идеологии могут оказаться необходимы для человечества¹⁹⁰ – даже проведённый герменевтический анализ идеологии и утопии остаётся незавершённым, то есть метаполитическая истина также требует герменевтического подхода. Показательно, что в работе «Я-сам как другой» Рикёр даже выступил с критикой политологов-эмпириков за отказ от рассуждений по теме целей «благого» правления, указывая на то, что в рамках ситуативного политического суждения данный вопрос неизбежно актуализируется. Речь идёт о всё том же переходе от морали к этике в ситуации прецедента, когда необходимо принятие решения¹⁹¹.

Но ключевым в концепции утопии, безусловно, является возможность к новым альтернативам. В первую очередь потенциал утопии связан с выстраиванием некоторого мира буквально «нигде», что открывает бесконечный простор человеческого воображения. Это пространство идеально подходит для роли «великой лаборатории», в котором в гипотетическом модусе будут проверяться как моральные суждения¹⁹², так и возможные альтернативы бытия людей¹⁹³, и, конечно, будут образовываться кризисы, необходимые для дальнейшего развития¹⁹⁴.

¹⁸⁹ De Leeuw M. Paul Ricoeur's renewal of philosophical anthropology. Lanham: 2022. P. 120.

¹⁹⁰ Ricoeur P. Ideology and Utopia as Cultural Imagination // Philosophical Exchange, 1976, vol. 2, №.2. P. 28.

¹⁹¹ Рикёр П. Я-сам как другой. М.: 2008. С. 304.

¹⁹² Там же. С. 199.

¹⁹³ Рикёр П. Воображение в дискурсе и в действии. Поль Рикёр в Москве. М.: 2010. С. 463.

¹⁹⁴ Рикёр П. Я-сам как другой. М.: 2008. С. 203.

Так как утопия действует по принципу метафоры, то она не является заложницей идеологии. Утопия – это отказ от абсолютной объективности, переход к субъективности и даже субъектности, но не согласие с иллюзией. Через утопию человек способен осознать горизонт «я могу» и в дальнейшем выбрать направление деятельности, что напрямую связывает свободу в рамках концепции утопии с идеей «человека могущего», которую Рикёр пытался сформулировать и отстаивать на протяжении последних десятилетий творчества¹⁹⁵. От того только глубже становится противопоставление «анонимным силам» идеологии литературного жанра утопии, имеющего автора, то есть человека – того, кто первым противостоит идеологии, и читателя – интерпретатора и настоящего критика идеологии¹⁹⁶, чья свобода начинается уже с признания: «Я есть»¹⁹⁷.

Таким образом, концепция утопии является частью концепций социального воображения и вымысла, которые Рикёр применял вплоть до самых своих последних работ, что указывает на актуальность концепции утопии на протяжении творчества Рикёра после «Лекций», но в контексте более широкой темы воображения.

¹⁹⁵ Вдовина И.С. Поль Рикёр: на «Елисейских полях» философии. М.: 2019. С. 197.

¹⁹⁶ Ricoeur P. Time and Narrative, vol. 3, trans. K Blamey and D Pellauer, University of Chicago Press, Chicago, IL: 1988. P. 165.

¹⁹⁷ Рикёр П. Философская антропология. Рукописи и выступления 3. М.: 2017. С. 145.

3.3 Политико-этический аспект концепции утопии

Итак, осветив вопросы биографического контекста, концептуальных истоков и характеристик концепции утопии, а также её связи с герменевтической теорией и эпистемологией, мы переходим к заключительной части нашего анализа – рассмотрению политико-этического аспекта концепции утопии. В соответствии с философией Рикёра, приближению к вопросу общества предшествовали вопросы философской антропологии. Вспоминая биографию, это кажется интересным, что к политике Рикёр обращался преимущественно до 1960-х годов – в данном параграфе мы уделим немало внимания «ранним» работам, но также рассмотрим и более поздние идеи. Начать стоит не с продолжения идеи освобождения человека, но с самого понимания этики и политики у Поля Рикёра.

Рикёр довольно чётко разделяет понятия «этика» и «мораль». Так, для Рикёра первична этика, которая реализует собственно «человеческий этос», направленный к «жизни вместе»¹⁹⁸. Таким образом, этика выступает пространством стремлений людей к благу и общежитию. Мораль в таком случае является пространством норм и обязательств, соответствие и исполнение которых необходимо для движения к общему благу¹⁹⁹. Мораль и этика могут не совпадать, поэтому между ними важно сохранение диалога и та самая неопределённая герменевтическая истина, подразумевающая сомнение²⁰⁰. Для реализации справедливости как фронезиса, необходимы все три элемента, которые мы уже перечислили: герменевтика (анализ останавливает противоречия для дальнейшего поиска выхода), поэтика (обеспечивает возможность движения вперёд) и риторика (согласование по критерию убедительности)²⁰¹. Всё это требует организации некоторого пространства дискуссии. Такое пространство реализуется в политике.

¹⁹⁸ Вдовина И.С. Полю Рикёру о совместном бытии людей // Философская антропология 2020. Т. 6. № 2. С. 47–61.

¹⁹⁹ Рикёр П. Мораль, этика и политика. Политика, экономика, общество. М.: 2021.

²⁰⁰ Рикёр П. Справедливое. М.: 2005. С. 247.

²⁰¹ Scott B. D. Ideology, Utopia, and Phronetic Judgment in Paul Ricoeur. 2021. №13. P. 150.

Политика, в самом простом понимании, является пространством «осуществления заботы о благой жизни»²⁰². От политического зависит мораль, так как именно власть или договор обеспечивают соблюдение обязательств. В то же время, политическое устремлено к этическому идеалу жизни вместе, что помещает политику в противоречие между идеальным и практическим, между устремлениями и необходимостью устремления реализовывать, подобным ранее озвученным проблемам соотношения идеи и реальности, праксиса. Венцом же политического становится государство – организация, благодаря которой историческое сообщество способно принимать решения²⁰³. Однако, если государство – это организационное воплощение этической направленности к благу, то как возможно всё то зло, которое пережила цивилизация в XX веке? Ещё в 1957 году Рикёр обнаруживает фундаментальный парадокс политического, который можно описать в различных проявлениях противостояния: универсального и индивидуального, идеала суверенитета и практики применения насилия, рационального и иррационального, благой цели и фактического политического зла (которое столь серьёзным потому, что является злом человеческой рациональности²⁰⁴).

На наш взгляд, политико-этический анализ концепции утопии должен начинаться именно с установления того факта, что зло может быть присуще утопии, если она превращается в статичную картину, воспринятую человеком некритически и прочно зафиксированной в сознании²⁰⁵. Более того, утопия может превратиться в идеологию, если будет эксплуатирована пришедшей к власти группой²⁰⁶. Основания зла кроются в парадоксе политического, который указывает на связь между рациональностью и насилием²⁰⁷, а утопия в свою очередь имеет все черты для того, чтобы продуцировать зло.

²⁰² Рикёр П. Мораль, этика и политика. Политика, экономика, общество. Рукописи и выступления 4. М.: 2021. С.70.

²⁰³ Рикёр П. Политический парадокс. История и истина. СПб: 2002.

²⁰⁴ Рикёр П. История и истина. СПб: 2002. С. 304.

²⁰⁵ Ricoeur P. *Philosophy, Ethics and Politics*. Cambridge: Polity Press, 2020. P. 57.

²⁰⁶ Ibid.

²⁰⁷ Фёдорова М.М. Политическая феноменология Поля Рикёра. Поль Рикёр: Человек – общество – цивилизация. М.: 2015. С. 258–274.

Во-первых, утопия радикальна, в самой своей сущности она содержит огромный потенциал и стремление не только к установлению нового, но сначала к разрушению старого. Формула Интернационала «Весь мир насилия мы разрушим до основания, а затем мы новый мир построим» – наглядная иллюстрация принципа работы утопии. Разрушение старого порядка, как представляется, практически всегда означает насилие, ввиду противоречия универсализма и толерантности²⁰⁸. Утопия может быть склонна к фиксации на одной идее самостоятельно, даже без помощи интерпретатора, уже на этапе создания автором (мимезис I), что есть высшая степень универсализации, создающей риск тирании.

Во-вторых, утопия – продукт человеческой рациональности. На протяжении всей философской жизни Рикёр указывал на не-абсолютность человеческого сознания, его подверженность хрупкости²⁰⁹ и в целом склонности человека к греху²¹⁰²¹¹. Утопист же стремится создать идеальный образ, но не может учесть всего. Многие утопии эсхатологичны и содержат описания идеальных состояний, однако совершенно не описывают путь которым к этому состоянию пришли, как бы надеясь на волшебство – Рикёр причисляет такие утопии к числу патологических²¹².

В-третьих, утопия основывается на принципе разрушения символического пространства, созданного идеологией, то есть оспаривает общую идентичность общества и установленный порядок. Наиболее драматичным может оказаться вскрытие разрыва между претензией правящей группы на власть и верой остальных членов общества в уместность данного порядка. При переходе из теории в практику, данный конфликт легко может привести к противостоянию с

²⁰⁸ Kearney R. Religion and Ideology: Paul Ricoeur's Hermeneutic Conflict // Irish Theological Quarterly. 1985. Vol. 2. Issue 1. P. 37-52.

²⁰⁹ Рикёр П. Философская антропология. Рукописи и выступления 3. М.: 2017. С. 260.

²¹⁰ Ricoeur P. Fallible Man: Philosophy of the Will. New York: 1986.

²¹¹ Luz E. Utopia and Return: On the Structure of Utopian Thinking and Its Relation to Jewish-Christian Tradition //The Journal of Religion. 1993. №3. P. 370.

²¹² Ricoeur P. Lectures on Ideology and Utopia. New York: Columbia University Press, 1986. P. 296.

государством и закончиться насилием, и ещё большим произволом в случае победы утопии, как это произошло с марксистами²¹³.

Таким образом, утопия однозначно содержит в себе потенциал ко злу. В то же время, идеология также содержит явные элементы зла. Дело в том, что Рикёр изначально предполагал найти в обеих формах социального воображения позитивные и негативные стороны. В таком случае, наличие зла в утопии и идеологии – не проблема утопии и идеологии, но следствие отношения их к политическому, в котором зло неискоренимо. Тем не менее, Рикёр предлагает компенсировать устремления к патологиям (и как следствие, ко злу) в идеологии и утопии за счёт их прямой диалектики, подразумевающей признание субъективности и признание склонности обеих форм как к добру, так и ко злу.

Что же касается позитивного следствия утопии, то оно связывается с возможностью рассмотрения гипотетических политических ситуаций, подразумевающих совершение того или иного морального выбора, следование различным этическим идеалам, изучая вариации «в царстве добра и зла»²¹⁴. «Утопический элемент», включённый в более общее понятие воображение обеспечивает человеческую креативность и возможность представить альтернативы вместо непосредственно действия, всё что в таком случае требуется от утопии – не быть физически и логически невозможной²¹⁵ (что напоминает о знакомстве Рикёра с аналитической традицией и, по всей видимости, семантикой Крипке). Воображаемые вариации (коей, несомненно, является и утопия) вызывают кризис самости²¹⁶ и в то же время способствует обогащению «Я» и развитию самости²¹⁷. Утопию можно сопоставить с воображаемым небытием «Я», которое повергает в экзистенциальный кризис²¹⁸,

²¹³ Рикёр П. История и истина. СПб: 2002. С. 300.

²¹⁴ Рикёр П. Я-сам как другой. М.: 2008. С. 199.

²¹⁵ Там же. С. 167.

²¹⁶ Там же. С. 170.

²¹⁷ Там же. С. 183.

²¹⁸ Там же. С. 203.

за тем лишь исключением, что утопия не отрицает прямо существование реальности, но также стремится к кризису и его разрешению.

В 1960-е годы Рикёр также обращается к утопии, ещё не связанной глубоко с теорией метафоры, в двух контекстах: этическом и теологическом. Рикёр считал, что «утопия имеет огромное теологическое значение, являясь одним из окольных путей надежды, по которым совершается гуманизация человека, и её цель – обожествление человека»²¹⁹. Подобного рода утопия необходима государству, считает Рикёр, и пусть даже не реализуясь, она бы могла задавать путь и ход развития, что перекликается с более поздними размышлениями Рикёра об уникальном соотношении утопии и идеологии в христианстве – с одной стороны²²⁰²²¹, и развитием собственной утопии взаимного признания²²²²²³. В другой статье Рикёр предлагает образ воспитателя-утописта, оказывая воздействие на мораль через утопические призывы²²⁴. Данные статьи были написаны уже после «Политического парадокса» и после исследований зла, указывая на веру Рикёра в позитивную роль концепции утопии ещё до критики идеологии.

Также утопия делает ещё больший вклад в свободу человека, если вспомнить о парадоксе Маннгейма. Утопия позволяет, если не преодолеть, то приспособиться к парадоксу и существовать в нём, не будучи при этом ограниченным и скованным идеологией или необходимостью быть объективным. Утопия таким образом превращается не просто в средство освобождения человека, но в метод философствования, основанный на признании субъективности (и бытия субъектом), ограниченности собственным сознанием и природой, но устремлённый на проектирование нового²²⁵. В таком

²¹⁹ Рикёр П. История и истина. СПб: 2002. С. 144.

²²⁰ Ricoeur P. Ideology, Utopia, and Faith // Center for Hermeneutical Studies, 1976, vol. 17, P. 21-28

²²¹ Einsohn H. I. Ideology, Utopia, and Faith: Shaw, Ricoeur, and the Passion for the Possible // Shaw. 1995. P. 105–121.

²²² Marcelo G. Paul Ricoeur and the Utopia of Mutual Recognition // Études Ricoeuriennes/Ricoeur Studies. 2011. №1. P. 110–133.

²²³ Lauer C. States of Peace: Ricoeur on Recognition and the Gift. London: 2012. P. 175–194.

²²⁴ Рикёр П. История и истина. СПб: 2002. С. 345.

²²⁵ Taylor G. H. Why Ideology and Utopia Today? Ideology and Utopia in the Twenty-First Century. The Surplus of Meaning in Ricoeur's Dialectical Concept. Lanham: Lexington Books, 2018. P. 219.

измерении философия Рикёра с самого начала представляет собой утопический проект, восстающий против сциентизма, структурализма, детерминизма, догматизма и прочих попыток отрицать неспособность человека (субъекта) быть объективным, и утверждающий необходимость его субъективности на основании уникальности.

Концепция утопии, отмечают специалисты²²⁶²²⁷, может служить связью между ранними и поздними социально-политическими работами Рикёра. Будучи встроена в философию метафоры и теорию социального воображения, концепция утопии вобрала в себя значительную часть идей, которые потом были воспроизведены в философии рассказа и концепции «человека могущего», открыв путь к теории справедливости и философии признания, сохранив при этом политико-философский посыл «Политического парадокса», феноменологии свободы и герменевтики символа. На наш взгляд, если рассмотреть философию Рикёра в целом, то можно предположить, что концепция утопии явилась не только следствием исследований в области социального воображения, но и личным стремлением автора оправдать свободу человека вопреки концепциям идеологии современников.

Также ряд исследователей обращают внимание на возможность применения теоретических наработок Рикёра на практике, например, в борьбе за права меньшинств²²⁸²²⁹ или выстраивании утопий при борьбе за экологию²³⁰. Помимо этого, у утопии обнаруживают теологическое свойство к возрождению надежды²³¹, хотя сам Рикёр всё-таки разделял утопию и надежду²³².

²²⁶ Taylor G. H. Delineating Ricoeur's Concept of Utopia // *Social Imaginaries*. 2017. Vol. 3. №. 1. P. 55

²²⁷ Scott B. D. Ideology, Utopia, and Phronetic Judgment in Paul Ricoeur // *Analecta Hermeneutica*. 2021. №13. P. 135–157.

²²⁸ Johansson T., Ottemo A. Ruptures in hegemonic masculinity: the dialectic between ideology and utopia // *Journal of gender studies*. 2015. №. 2. P. 192–206.

²²⁹ Moyaert M. Between Ideology and Utopia Honneth and Ricoeur on Symbolic Violence, Marginalization and Recognition // *Études Ricœuriennes / Ricoeur Studies*, 2011, Vol 2, No 1. P. 106.

²³⁰ Treanor B. Turn around and step forward: Environmentalism, activism and the social imaginary. From Ricoeur to Action. London: Continuum, 2012. P. 155–174.

²³¹ Kaplan D. M. Ricoeur's critical theory. – SUNY Press, 2003. P. 179.

²³² Рикёр П. Конфликт интерпретаций. М: 2008. С. 551–552.

Обращаясь к предыдущим параграфам, концепция утопии Поля Рикёра является составной частью его философии воображения, которая в свою очередь занимает одну из центральных ролей во всей философии великого француза. В политической философии Поля Рикёра, несмотря на малое число упоминаний самим автором, концепция утопии занимает важную роль соединения исследований в области феноменологической герменевтики, свободы и социальных наук в их проекции на политику и общество. Изучение концепции утопии связано с проблемой идеологии, обращение к которой могло быть обусловлено личной заинтересованностью Рикёра в анализе событий во Франции в конце 1960-х годов.

Сама концепция утопии, по всей видимости, не была результатом глубокого анализа традиции исследования утопии, но явилась следствием из работ Рикёра в области метафоры, социального воображения и вымысла, а также прежних исследований в области феноменологии и политики. В то же время, концепция утопии имеет инструментальный характер, находя герменевтическое решение проблемы идеологии и парадокса Маннгейма. Это же решение гарантирует способность человека к новому, даже несмотря на тотальное доминирование идеологии, что, на наш взгляд, является ключевым этическим значением концепции утопии в политической философии Поля Рикёра для современной дискуссии.

Однако, так как почти вся философия Поля Рикёра в той или иной мере устремлена к свободе субъекта и утверждению «человека могущего», то данное значение нельзя рассматривать как специфичное для концепции утопии. В таком случае следует остановиться на роли концепции утопии как инструмента преодоления идеологического консерватизма и обеспечения восходящей диалектики идеологии и утопии. По всей видимости, Рикёр руководствовался схожей логикой, продолжая исследования не в теории утопии, но в родовых к ней теории воображения и теории нарратива. Помимо прочего, концепция утопии сегодня может выступать в качестве связующего элемента между

герменевтической феноменологией Рикёра и его политической философией, особенно в ранних работах, что ценно ввиду кажущейся незавершённости его онтологического проекта. В этом смысле концепция утопии, как было показано ранее, имеет значительный эпистемологический и этический потенциал.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Политическая философия Поля Рикёра обширна и крайне богата, особенно своими эпистемологическими и антропологическими основаниями. В данном исследовании мы предприняли попытку провести комплексный анализ концепции утопии Поля Рикёра, применив в качестве методологии рекомендации самого Рикёра относительно истории мысли и интерпретации. Результаты получились несколько неожиданными.

В первую очередь, формулирование концепции утопии, с точки зрения биографии и упоминания термина «утопия» в корпусе работ Рикёра, казалось следующим из личной заинтересованности и переживаний драматического опыта. Такие основания действительно имели место быть, однако, как показал дальнейший анализ, понимать концепцию утопии как ситуативную рефлексию проблемы идеологии на фоне основных занятий герменевтикой метафоры, как минимум, преждевременно.

Крайне нетипичным для Рикёра оказался теоретический анализ традиции исследований утопии – традиция практически не рассматривалась, упускались важные современники, а большая часть поисков направлены на идеологию, от которой утопия достраивалась диалектически.

При рассмотрении диалектики идеологии и утопии строго внутри тематических первоисточников, т.е. публикаций, чьей основной темой ставились идеология и утопия, роль концепции утопии была несколько не ясна. С одной стороны, имелось огромное концептуальное значение для «завершения» концепции идеологии. С другой стороны, качество проработки утопии казалось сравнительно меньшим, да и сам Рикёр говорил об утопии как о «полемическом инструменте», относящемся к риторике. Внутренний анализ утопии обнаружил ещё большую спутанность идеологии и утопии, чем даже описывал Рикёр, при этом могли возникнуть опасения по поводу жизнеспособности такой диалектики и не-идеологичности самой утопии.

Рассмотрение концепции утопии в контексте рикёровского корпуса расставило всё на свои места. Выяснилось, что теоретическая проработка концепции утопии потому не была столь подробной, что концепция утопии более очевидным образом выходила из герменевтики метафоры и теории социального воображения, над которыми в тот момент работал Рикёр. Иначе говоря, Рикёр был вынужден погрузиться в новую сферу – идеологию, но концепция утопии у него уже была теоретически обоснована.

Объяснение неуниверсальности утопии, возможности той использовать механизм «возвращения» в прошлое для формирования будущего или выстраивания картины перевёрнутых отношений крылось как в текстовой природе утопии, так и в герменевтической эпистемологии воображения, связанной с способностью метафоры связывать семантические поля и образовывать новый дискурс. Точно так же противостояние утопии и идеологии стало более прозрачным.

В то же время, стал ясен ответ на имплицитный вопрос: «Почему Рикёр отошёл от концепций идеологии и утопии?», – это оказалось связано с переходом на более высокий уровень абстракции, обращением к родовому понятию социального воображения. При этом, как показал анализ, высказанные в «Лекциях» идеи находили своё применение в работах спустя десятилетия.

Политико-этическая проблематика утопии, с одной стороны, в отрыве от всего остального корпуса и личности Рикёра, оказывается крайне скудной и повторяет «Парадокс политического», но будучи включённой в общий контекст, приобретает черты возможной интерпретации деятельности Рикёра – выстраивание философской утопии с целью освобождения человека, придания ему субъективности, способности творить историю. Более того, концепция утопии в таком случае может являться связующим звеном между ранними и поздними политическими работами Рикёра, отражая ещё не завершённый, но уже намеченный онтологический проект, который Рикёр будет уточнять 30 лет после «Лекций по идеологии и утопии».

Иначе говоря, концепция утопии в политической философии Поля Рикёра может быть верно интерпретирована в полной мере только при учёте всех вышеперечисленных факторов, что указывает на валидность избранной методологии. Касательно же самой концепции утопии, то она позволяет не только приспособиться к парадоксу Маннгейма, но может быть мысленно восстановлена и рассмотрена в более поздних работах Рикёра как неотъемлемая часть теории социального воображения. Несмотря на скромное число отведённых страниц, концепция утопии в политической философии Поля Рикёра не является тупиковой ветвью размышления, но постоянно воспроизводится с момента своего формулирования, становясь полноценной частью политической эпистемологии французского философа. Этот вывод основан на выведенной из диалектики идеологии и утопии теории герменевтической политической истины, доведённой до конца лишь спустя 20 лет после «Лекций». Таким образом, проведённое исследование несёт в себе потенциал для дальнейшей проработки вопроса и интеграции результатов в практику.

Дальнейшие исследования, на наш взгляд, можно направить на уточнение соотношения философии признания и политической эпистемологии в работах Поля Рикёра и за их пределами. В рамках работы мы допустили предположение об особой роли акта признания небытия утопии как предшествующего критике «реальности» интерпретатором. Данный вопрос, к сожалению, не был рассмотрен самим Рикёром в достаточной мере и потому, вероятно, требует фундаментального философского исследования с возможным политико-философским выводом.

Тем не менее, приведённое в нашей работе исследование уже позволяет применить герменевтический подход к анализу утопии и утопических дискурсов в современных России и мире, первая попытка чего была предпринята мной ещё в декабре прошлого года. В перспективе, герменевтическая методология позволит принять парадоксы человеческой природы и развивать новый подход к политической истине, политической этике и другим феноменам политики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Книги и периодические печатные издания

1. Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седелника, Н. Федоровой. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 383 с.
2. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение / пер. Н. Тюкиной. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. – 248 с.
3. Вдовина И.С. Поль Рикёр о совместном бытии людей // Философская антропология 2020. Т. 6. № 2. С. 47–61.
4. Вдовина И.С. Поль Рикёр: история философии как самопонимание философии // История философии. 2012. №17. С. 45–62.
5. Вдовина И.С. Поль Рикёр: на «Елисейских полях» философии. М.: 2019. – 288 с.
6. Вдовина. И.С. Словарь Поля Рикёра (Часть вторая) // Философские науки, 2012. № 2. С. 103–118.
7. Гирц К. Интерпретация культур / Пер. с англ. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 560 с.
8. Гудилина Е.Н., Порошков М.М. – К проблеме структурообразующих элементов утопического дискурса и его специфики // Философия и культура. 2022. № 3. С. 38–54.
9. Дарендорф Р. Тропы из утопии / Пер. с нем. Б. М. Скуратова» В. Л. Близнекова. – М.: Праксис, 2002. – 536 с.
10. Жижек С. Год невозможного. Искусство мечтать опасно. – М.: Издательство «Европз», 2012. – 272 с.
11. Звоновский В.Б., Ходыкин А.В. Отражение культурной власти геополитического нарратива в коллективных представлениях россиян о специальной военной операции // Социологические исследования – 2022. № 11. С. 38-53.

12. Манхейм К. Диагноз нашего времени.: Пер. с нем. и англ. – М.: Юрист, 1994. – 700 с.
13. Рикёр П. Воображение в дискурсе и в действии. Поль Рикёр в Москве. М.: 2010. Рикёр П. Воображение в дискурсе и в действии. Поль Рикёр в Москве. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013. С. 452–475.
14. Рикёр П. История и истина. СПб: 2002. Рикёр П. История и истина / Пер. с фр.; – СПб.: Алетейя, 2002 г. – 400 с.
15. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерк и о герменевтике / Пер. с фр., вступ. ст. и коммент. И.С. Вдовиной. – М.: Академический Проект, 2008. – 695 с.
16. Рикёр П. Поль Рикёр в Институте философии РАН (сентябрь 1993). Поль Рикёр в Москве. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013. С. 49–120.
17. Рикёр П. Политика, экономика, общество. Рукописи и выступления 4 / пер. с фр. И.С. Вдовиной. – М.: Центр гуманитарных инициатив, 2021. – 240 с.
18. Рикёр П. Память, история, забвение / Пер. с франц. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. – 728 с.
19. Рикёр П. Путь признания. Три очерка / Поль Рикёр ; [пер. с фр. И. И. Блауберг, И. С. Вдовиной]. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 268 с.
20. Рикёр П. Справедливое / Пер. с фр. Б. Скуратова, П. Хицкого. Послесловие – Э. Шлоссер. Москва: Издательство Гнозис", Издательство "Логос", 2005. – 304 с.
21. Рикёр П. Философская антропология. Рукописи и выступления 3. / Пер. с франц. – М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2017. – 312 с.
22. Рикёр П. Я -сам как другой / Пер. с франц. - М.: Издательство гуманитарной литературы, 2008. – 416 с.
23. Русакова О.Ф., Русаков В.М. Правый поворот в политическом дискурсе элит и кризис неолиберализма // Дискурс-ПИ, 2016. № 3-4. С. 13–22.

24. Суслов М.Д. Утопия как предмет современных исследований на Западе и в России // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2013. № 7 (108). С. 34–41.
25. Фёдорова М.М. Парадоксы политического: Поль Рикёр // Политическое как проблема. Очерки политической философии XX века. М.: Идея-Пресс, 2009. С. 209–224.
26. Фёдорова М.М. Политическая феноменология Поля Рикёра. Поль Рикёр: Человек – общество – цивилизация. Современная философия. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2015. С. 258–274.
27. Фоменко А.П. Утопия в поисках субъекта, субъект в поисках утопии // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 478. С. 58–63.
28. Bengard B. Reception, Recognition, and Utopia // The Ecumenical Review, 2017. Vol 69 (1). P. 23–33.
29. Clark S. Introduction: Paul Ricoeur: Memory, Identity, Ethics // Theory, Culture & Society, 2010 (SAGE, Los Angeles, London, New Delhi, and Singapore), Vol. 27(5). P. 3–17.
30. Colin. D. Life Stories: Ricœur. Traces of War. Liverpool University Press, 2018. P. 119–133.
31. Comparán C. Arendt and Ricœur on Ideology and Authority // Études Ricœuriennes / Ricœur Studies, 2014. Vol 5. No 2. P. 64-80.
32. Dauenhaur B. Ideology, Utopia, and Responsible Politics // Man and World 22, 1989. P. 25-41.
33. De Leeuw M. Paul Ricoeur's renewal of philosophical anthropology: vulnerability, capability, justice. Lanham : Lexington Books, 2022. – 216 p.
34. Dosse F. Paul Ricoeur: Les sens d'une vie (1913–2005). Paris: La Découverte, 2008. – 714 p.
35. Dosse F. The Social Imaginary as Engine of History in Ricoeur and Castoriadis. Ricoeur and Castoriadis in Discussion. Rowman & Littlefield International: 2017. P. 139–170.

36. Einsohn H. I. Ideology, Utopia, and Faith: Shaw, Ricoeur, and the Passion for the Possible // Shaw. 1995. P. 105–121.
37. Habermas J. Das Dilemma des Westens. Krieg und Empörung // Süddeutsche Zeitung. – 2022. – 28 April. – S. 12.
38. Hempel D. From Bloch's utopian surplus to Žižek's fantasmatic spectre: Re-evaluating the interplay of utopia and ideology // Journal of Political Ideologies, 2019. Vol. 24. I. 3. P. 263–274.
39. Hoskins G. The Capacity to Judge and the Contours of a Theory of Political Judgment. Paul Ricoeur and the Task of Political Philosophy / Greg S. Johnson, Dan R. Stiver (eds.). Lexington Books: 2012. P. 85–104.
40. Iakovou V. To Think Utopia With and Beyond Paul Ricoeur. From Ricoeur to Action. London: Continuum, 2012. P. 113–135.
41. Jaeggi R. Rethinking Ideology // New Waves in Political Philosophy, ed. Boudewijn de Bruin and Christopher F. Zurn. New York: Palgrave Macmillan, 2009. P. 63–87.
42. Jameson F. Archaeologies of the Future: The Desire Called Utopia and Other Science Fictions. New York: Verso, 2005. – 432 p.
43. Johansson T., Ottemo A. Ruptures in hegemonic masculinity: the dialectic between ideology and utopia // Journal of gender studies. 2015. №. 2. P. 192–206.
44. Johnson G. The situated self and utopian thinking // Hypatia. 2002. №3. P. 20–44.
45. Johnson G. Tragic Realism and the Utopian : An Integrated Approach to Understanding Political Ethics. Bloomsberry Academic: 2015.
46. Kaplan D.M. Paul Ricoeur and the Nazis. Research in Phenomenology // Memorial for Paul Ricoeur. 2007. Vol. 37, No. 2. P. 219–236.
47. Kaplan D.M. Ricoeur's critical theory. – SUNY Press, 2003. – 236 p.
48. Kearney R. Religion and Ideology: Paul Ricoeur's Hermeneutic Conflict // Irish Theological Quarterly. 1985. Vol. 2. I. 1. P. 37-52.
49. Langdridge D. Ideology and Utopia: Social Psychology and the Social Imaginary of Paul Ricoeur // Theory & Psychology. 2006. №5. P. 641–659.

50. Lauer C. States of Peace: Ricoeur on Recognition and the Gift. From Ricoeur to Action: The Socio-Political Significance of Ricoeur's Thinking / T. Mei and D. Lewin (eds.). London: Continuum, 2012. P. 175–194.
51. Levitas R. The Concept of Utopia. Philip Allan: 1990. – 240 p.
52. Luz E. Utopia and Return: On the Structure of Utopian Thinking and Its Relation to Jewish–Christian Tradition // The Journal of Religion. 1993. №3. P. 357–377.
53. Marcelo G. Paul Ricoeur and the Utopia of Mutual Recognition // Études Ricoeuriennes/Ricoeur Studies. 2011. №1. P. 110–133.
54. Michel J. Ricoeur and the post-structuralists : Bourdieu, Derrida, Deleuze, Foucault, Castoriadis. Rowman & Littlefield International: 2015. – 190 p.
55. Moore H. L. 'Visions of the Good Life': Anthropology and the Study of Utopia // Cambridge Anthropology. 1990. P. 13–33.
56. Moyaert M. Between Ideology and Utopia Honneth and Ricoeur on Symbolic Violence, Marginalization and Recognition // Études Ricoeuriennes / Ricoeur Studies, 2011. Vol 2, No 1. P. 84-109.
57. Ricoeur P. Fallible Man: Philosophy of the Will / C. Kelbey (trans.). New York: Fordham University Press, 1986. – 196 p.
58. Ricoeur P. Interpretation Theory: Discourse and the Surplus of Meaning. Texas Christian University Press, 1976. – 108 p.
59. Ricoeur P. Ideology and Utopia as Cultural Imagination // Philosophical Exchange, 1976. Vol. 2, No. 2. P. 17–28.
60. Ricoeur P. Ideology, Utopia, and Faith // Center for Hermeneutical Studies, 1976. Vol. 17. P. 21–28.
61. Ricoeur P. Lectures on Ideology and Utopia / G. H. Taylor (ed.). New York: Columbia University Press, 1986. – 353 p.
62. Ricoeur P. On Translation. / (1st ed.) trans. Eileen Brennan. Routledge, 2006. – 72 p.
63. Ricoeur P. Philosophy, Ethics and Politics. Cambridge: Polity Press, 2020. – 190 p.

64. Ricoeur P. Tasks of the Ecclesial Community in the Modern World. *Theology of Renewal II*, ed. L. K. Shook. New York: Herder and Herder, 1968. p. 243–245.
65. Ricoeur P. The Function of Fiction in Shaping Reality. *A Ricoeur Reader: Reflection and Imagination*, M. Valdés (ed.), University of Toronto Press, Toronto, 1991. P. 117-136.
66. Ricoeur P. *The Rule of Metaphor*, trans. R Czerny. Toronto: University of Toronto Press, 1977. – 384 p.
67. Ricoeur P. *Time and Narrative*, vol. 3 / trans. K Blamey and D Pellauer. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1988. – 362 p.
68. Santambrogio A. *Utopia without Ideology*. New York: Taylor & Francis. 2023. – 208 p.
69. Sargent L. T. Ideology and utopia. *Utopian Horizons. Ideology, Politics, Literature*. Central European University Press, 2013. P. 19-40.
70. Sargisson L. *Contemporary Feminist Utopianism (Women and Politics)*. London: 1996. – 272 p.
71. Savage R. Paul Ricoeur's Philosophical Anthropology as Hermeneutics of Liberation Freedom, Justice, and the Power of Imagination. New York: 2021. – 198 p.
72. Scott B. D. Ideology, Utopia, and Phronetic Judgment in Paul Ricoeur // *Analecta Hermeneutica*. 2021. №13. P. 135–157.
73. Steeves J. B. Utopia and Text: Ricoeur's Critique of Ideology // *Symposium*, 2000. IV, 2. P. 221-235.
74. Suslov M. *Geopolitical Imagination : Ideology and Utopia in Post-Soviet Russia*. Stuttgart: Ibidem Press, 2020. – 302 p.
75. Suvin D. *Defined by a hollow : essays on utopia, science fiction and political epistemology*. Peter Lang: 2010. – 582 p.
76. Taylor G.H. Delineating Ricoeur's Concept of Utopia // *Social Imaginaries*. 2017. Vol. 3. №. 1. P. 41–60.
77. Taylor G.H. Ricoeur's Philosophy of Imagination // *Journal of French Philosophy*, 2006, V. 16. P. 93–104.

78. Taylor G.H. The phenomenological contributions of Ricoeur's philosophy of imagination // *Social Imaginaries*. 2015. №. 2. P. 13–31.
79. Taylor G.H. Why Ideology and Utopia Today? Ideology and Utopia in the Twenty–First Century. The Surplus of Meaning in Ricoeur's Dialectical Concept. Lanham: Lexington Books, 2018. P. 217–235.
80. Taylor G.H., Nascimento F. Digital Ricoeur // *Études Ricoeuriennes/Ricoeur Studies*, 2016. Vol. 7. №. 2. P. 124-145.
81. Taylor G.H. Editor's Introduction. Lectures on Ideology and Utopia – Ricoeur P. / G. H. Taylor (ed.). Columbia University Press, New York, NY: 1986. P. ix–xxxvi.
82. Taylor G.H. Ricoeur versus Ricoeur? Between the Universal and the Contextual. From Ricoeur to Action: The Socio-Political Significance of Ricoeur's Tinking / T. Mei and D. Lewin (eds.). London: Continuum, 2012. P. 136–154.
83. Treanor B. Turn around and step forward: Environmentalism, activism and the social imaginary From Ricoeur to Action: The Socio-Political Significance of Ricoeur's Tinking / T. Mei and D. Lewin (eds.). London: Continuum, 2012. P. 155–174.
84. Vendra M. Paul Ricœur and Clifford Geertz The Harmonic Dialogue between Philosophical Hermeneutics and Cultural Anthropology // *Études Ricoeuriennes / Ricœur Studies*, 2020. Vol 11, No 1. P. 49-64.
85. Venema I. Identifying Selfhood: imagination, narrative, and hermeneutics in the thought of Paul Ricoeur. NY: 2000. – 218 p.
86. Рікер П. Інтелектуальна автобіографія. Любов і справедливість / Пер. із фр. - К. : Дух і літера, 2002. – 114 с.

Электронные ресурсы.

87. ТАСС. Путин заявил о формировании многополярной системы мира. [Электронный ресурс] URL: <https://tass.ru/politika/15082807> (дата обращения: 10.05.2023).

88. Digital Ricoeur. Search. [Электронный ресурс] URL: <https://www.digitalricoeurportal.org/digital-ricoeur/Search.php> (дата обращения: 1.04.2023)